

попаданец

Владимир Малыгин

ЛЁТЧИК

Попаданец (АСТ)

Владимир Малыгин

Лётчик

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Малыгин В. В.

Лётчик / В. В. Малыгин — «Издательство АСТ»,
2020 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-121498-2

После авиационной катастрофы военный лётчик приходит в себя в госпитальной палате в теле поручика-авиатора. 1914 год. Всего ничего до Первой мировой. Нужно успеть вжиться в эпоху, попытаться ответить делом на вызовы судьбы. Но сначала... Сначала нужно полностью овладеть доставшимся телом и восстановить собственные навыки...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-121498-2

© Малыгин В. В., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Владимир Владиславович Малыгин
Лётчик
Роман

* * *

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

© Владимир Малыгин, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

Нет, на борту не было паники. Экипаж чётко делал свою работу, ту, которой он был обучен, ту, которую тысячи раз отработывал на тренажёрах и тренажах, ту, о которой подробно расписано в Инструкции по лётной эксплуатации.

Взрывала периодически сирена, женским, приятным в любое другое, но только не в это время голосом тревожно и практически непрерывно вещал в наушники экипажу речевой информатор, среди профессионалов именуемый просто Ритой. На центральной панели приборов горели и мигали красным раздражающим цветом световые табло.

А экипаж работал, заваливая тяжёлый, ставший в одночасье ужасно неповоротливым транспортник в очередной крен, уводя его прочь от города и одновременно всеми силами пытаясь потушить пожар в салоне. В воздухе критическая ситуация развивается немислимо быстро, и на принятие грамотного и правильного решения, не говоря уже о последующих действиях, есть считанные секунды. А порой лишь жалкие доли этих секунд. И если всё сложится удачно и экипаж выкрутится из этой нештатной ситуации, то чуть позже, на такой родной и безопасной земле, придёт осознание того, что вся твоя предыдущая жизнь была лишь подготовкой именно вот к этому, ты готовился просто работать. Без мандража в груди и трясущихся от страха, потеющих, суетящихся без толку рук.

Это очень трудно – грамотно и внешне спокойно работать, когда нет высоты для покидания самолёта, когда на борту пассажиры без средств для этого покидания, когда аппарат теряет управление из-за отказа электро- и гидросистем, когда один за другим вылетают автоматы защиты сети и когда внизу под тобой ГОРОД...

Потому и рвали сейчас жилы пилоты, уводя на ручном управлении тяжеленную, дымящую чёрным дымом машину с тоннами топлива на борту и полным пушечным боезапасом в сторону от жилых кварталов, оправдывая в этот критический миг долгие годы постоянной учёбы и службы...

И, выводя его на полосу, пытались всеми силами удержать лайнер на курсе и глиссаде снижения, явно не успевая долететь до этой желанной узкой бетонной полосы...

И отчётливо в эти оставшиеся до земли мгновения понимая, что уже всё... И до последней доли секунды отказываясь верить, что уже всё...

Город остался цел...

Глава 1

– Вытаскивайте его! Да осторожнее, осторожнее, ногу ему не доломайте! – Чей-то пронзительный голос тревогой и беспокойством пробился в сознание, заставляя к себе прислушаться, не отпуская в спасительное безмолвие, держал, тянул куда-то, вытаскивал в реальность.

Вяло удивился – какую такую ногу? Почему не доломайте? Откуда вытаскивать? Вслед за этим удивлением пришли первые ощущения. Сначала начала затихать стремительная круговерть сознания. Странные чувства. Словно в голове карусель крутится с огромной скоростью... И наконец-то начинает останавливаться, когда организм уже отказывается повиноваться и наступает предел выносливости. А что такое карусель? Откуда я это слово знаю? Но ладно, потом выясню, а сейчас можно очень аккуратно и облегчённо вздохнуть. Тяжко, когда нет ощущения верха и низа, когда висишь в великой пустоте, и она, эта пустота, стремительно вращается вокруг тебя. Или я внутри этой пустоты кручусь, словно та самая пресловутая белка в колесе. Какая такая белка? Или белочка? А что такое колесо? Откуда я все эти слова знаю? Почему они всплывают в моём сознании?

Медленно успокаивалась круговерть в голове, истаявали воспоминания, даже не сами воспоминания, а, скорее, какое-то эмоциональное эхо от них, фон о чём-то огромном и белёсом, затухал и истончался отголосок мощного, наполненного огромной силой голоса в безграничном и великом нечто. Странные и очень неприятные воспоминания. Как будто меня долго выворачивали наизнанку, а потом вернули обратно.

Второе ощущение тоже не понравилось. Всё тело начало сначала словно покалывать малюсенькими острыми иголочками, боль от этих уколов быстро усиливалась, накатила стремительным валом, захлестнула и потащила за собой куда-то вниз. Через миг терпеть её стало невозможно. Какое тело? Чьё тело? Откуда? Я же сгусток сознания среди многих мириадов других в той самой пустоте... Откуда я это знаю? И почему вниз, если я в пустоте, где вообще нет таких понятий?

Чей-то сдавленный стон, полный такой боли, что по коже побежали мурашки страха... Да что такое здесь происходит? Кого-то мучают?

– Да говорю же, осторожнее тяните! И придерживайте, придерживайте за руки. Слышите, как стонет?

– Да мы и так стараемся, ваше благородие. Он же весь тросами опутан, словно сетями. Пока всё разрежем.

Да уже почти всё, ещё одна петля и точно всё. Вот, готово, освободили, можно вынимать.

Густой и добродушный бас приблизился вплотную, я сразу же почувал резкий и неприятный запах табачища, в носу зачесалось, и я чихнул.

Чихнул и мгновенно полетел в спасительную темноту. С облегчением, потому что боль отступила...

...Заметался, пытаюсь вернуться в ту самую родную пустоту, из которой только что вынырнул, и запаниковал. Потому что той пустоты вокруг меня уже не было! И знакомых сгустков чужих сознаний нигде не было видно. И не ощущал я их поблизости. И не поблизости тоже. Да что такое со мной происходит? Темнота навалилась со всех сторон и снова мягко приняла в свои лапки...

А потом я услышал равномерное позвякивание металла о стекло. Словно где-то неподалёку размещивают сахар в стакане с чаем. Почему-то на ум сразу пришла именно такая аналогия. И ещё какой-то знакомый шум. Словно листья на ветру шелестят.

Медленно и сторожко потянулся из темноты к вроде бы как знакомым звукам. Открыть глаза не получилось, веки не послушались. Зато вернулась боль. На моё счастье, не такая ослепляющая, как в прошлый раз, а вполне терпимое лёгкое покалывание. Словно акупунктуру

делают. По всему телу. Нет, соврал, дальше шеи я ничего не ощущаю. Сначала больно колет, а потом даже немного приятно от такой боли. Глаза, веки, лицо. Почему я кроме боли ничего не чувствую? Где моё тело? Погоди, а звуки? Их-то слышу? Потянулся рукой потрогать лицо, нащупать глаза – и не смог. Не послушались меня мышцы.словно нет у меня руки. Испугался и тут же успокоился. Потому что сразу же пришло осознание, что есть у меня рука. Теперь уже руку начало колоть. А вторая? Ну-ка... Ноги? А... Нет, с этим пока подожду, мне и этой дополнительной боли за глаза и выше крыши. Сразу насчёт приятности переменял мнение. Так что ноги в другой раз, как бы мне этого ни хотелось. Позже полную ревизию организма проведу на предмет наличия нужных конечностей. Когда не так больно будет.

Да это у меня наверняка от долгого лежания все мышцы просто затекли, поэтому ничего и не чувствую. А теперь понемногу отходить начинают, потому и покалывание идёт! Чувствительность возвращается. А где я, кстати? Почему жены нет рядом? Доча? Друзья мои где? Никого не пускают? Потому что наверняка лежу в госпитале. А почему я так подумал? Откуда я знаю, что женат и у меня даже дочь есть? Стоило только сосредоточиться на этой мысли, как в голове вообще опустело. Пусто стало, словно в дырявом ведре. Почему решил, что в госпитале? Запахи потому что такие, специфические, соответствующие именно медицинскому заведению. А как я здесь оказался? И... кто я?

Память услужливо показала быстро надвигающуюся в грохоте сбрасывающего обороты мотора землю, стелющуюся под ветром зелёную траву внизу, касание, и предатель-ветер налетевшим резким порывом бросает лёгкий и неустойчивый самолёт вверх. Придерживающее движение ручкой управления, и вот она – земля. И снова налетевший порыв ветра поднимает аэроплан в воздух. Скорости нет, и аппарат медленно заваливается на крыло, клюёт носом вниз и врезается в это зелёное, стелющееся пологими волнами под ветром травяное море. Треск ломающегося дерева, звон лопающихся расчалок и летящая в лицо земля. И сразу же поверх первого воспоминания накладывается другая картинка. Вонь горелой проводки и пластика, пронзительный вой сирены, заходящийся в тревожном предупреждении женский голос, летящие в лицо огромные сосны и крик бортинженера:

– Прощайте, мужики!

Ф-фух! Что это было? Со мной? Я лётчик? Был? Не помню ничего. Как тяжело. А сейчас тогда я кто? Почему никак не могу открыть глаза? Не знаю, чего больше испугался? Того, что вспомнилось, или того, что вдруг и эти воспоминания пропадут, исчезнут. Замер. Нет, никуда не пропали. А... Нет, уже и не вспомню ничего. Осталась лишь горечь окончательной и бесповоротной потери кого-то очень мне дорогого...

– Доктор, доктор! Скорее сюда! Он плачет!

Лёгкий скрип недостаточно хорошо смазанных дверных петель, быстро приближающиеся торопливые шаги, пахнувшая лекарствами тяжёлая и мягкая рука на лбу... И сразу же новая картинка перед глазами. Жёлтая двухэтажная коробка госпиталя в разросшихся кустах цветущей сирени и река внизу...

Я же чувствую всё это? И слышу? Почему же тело мне не подчиняется? Почему я глаза открыть не могу? Даже язык не слушается. И сильно устал от внезапных и непонятных вывертов сознания.

– Ничего, Лидия Васильевна, ничего. В сознание не приходил?

– Нет, Викентий Иванович, не приходил.

– Странно. Давно должен был очнуться. Впрочем, голова – орган неизученный, что там в ней происходит, лишь одному богу известно. Вот и будем на его милость уповать. То, что плачет, уже хорошо. Хоть какая-то реакция появилась. А то лежит, прости господи, словно полено бесчувственное. И позвоночник ведь у больного цел, а рефлексов на раздражители нет. Странно. Первый раз с таким чудом сталкиваюсь. Кости срослись быстро, раны зарубцевались. Ничего, время – лучший доктор. Организм молодой, глядишь, и оклемается поручик.

Да, Лидия Васильевна, голубушка, пока так и продолжаем его искусственно поддерживать. А то когда он ещё в себя придёт и сможет самостоятельно пить да есть...

Это точно про меня говорят. И ладонь я же на своём лбу ощутил? На своём ли? Почему я поручик? Я же капитаном был...

Спасительное беспомыслие в очередной раз мягко приняло запаниковавшее сознание в свои ласковые объятия. И я не сопротивился, там хоть отдохну от этого окружающего непонятного.

Возвращаться в реальность очень не хотелось. Так там хорошо, в беспомыслии-то, тепло и никаких забот, а здесь сразу боль от никуда не пропавших за это время игл и такое поганое чувство беспомощности. А ещё запахи. Я даже доносящиеся тяжёлые запахи из дальнего конца коридора могу унюхать, не говоря уже о своих собственных ароматах залежавшегося тела. Дышать прямо нечем. Так и с ума можно сойти от этой вони. И мой слух. Как будто бы им компенсировали отсутствие зрения и подвижности. Всё слышу, так же хорошо, как и обоняю. Дурдом. Были бы руки, какие-нибудь затычки в уши вставил бы. Это же каждый шорох по мозгам словно кувалдой по наковальне бьёт. Кошмар. Боже милостивый, верни меня обратно...

Очередную смену дня и ночи осознавал лишь по смолкающим звукам в коридоре. А в том месте, где находилась моя теперешняя сущность, больше никого не было, один я лежал. В палате, наверное, где же ещё? И почему сущность? А потому что я не знаю, кто я и кем оказался. Поручик? Голубчик? Пусть даже этакая малость о чём-то хоть и говорит, но... Как-то маловато информации. Вот когда зрение и возможность шевелиться вернутся, тогда и назову себя по-другому, а пока пусть будет так.

Со временем дежурный пост из палаты убрали. Дежурная сестричка заглядывала периодически, убеждалась, что никуда я не делся, и затворяла за собой дверь. Смешно, куда я могу в таком состоянии деться? Ну и убирала за мной, обтирала. По утрам обычно. Сознание в такие моменты колыхалось, словно плыло по крутым волнам, из чего я сделал логичный вывод, что это ворочали со стороны на сторону моё тело. Даже начинало казаться, что в этот момент я что-то ощущаю, вроде как чувствую свои конечности, свою тушку. Мне бы сказать сестричке, надоумить, чтобы провели общий массажик, промяли мышцы, да куда там, не мог, язык-то тоже не слушается приказов мозга.

Проявившиеся в первое время непонятные воспоминания о моей сущности и окружающей действительности больше не возвращались. Несмотря на все мои героические потуги вспомнить хоть что-то из своей прежней жизни. Ну никак, как ни старался напрячь свои извилины. Пришлось на время оставить эту затею. К большому моему сожалению. Потому что окружающая меня неизвестность сильно, если не сказать больше, напрягала. Боялся я этой неизвестности, честно сказать.

Уже и счёт этим пересменам дежурных сестричек потерял, когда наконец-то смог шевельнуть головой. Шея повиновалась, повернула голову набок. То есть дала начальный импульс движению, а потом голова сама набок упала по инерции. Мышцы-то совсем не работают. А затем и глаза открыл. Когда щека подушки коснулась. Это непередаваемое ощущение – почувствовать щекой подушку. Накрахмаленную наволочку, между прочим, вкусную на запах, похрустывающую от свежести и, оказывается, ослепительно белоснежную. Вот только прилипшие к ней чёрные длинные волосы неприятно поразили. Это я их смог чуть позже разглядеть. И удивился, когда разглядел. Длинные? Женские? Откуда? Да нет, бред, я же хоть и не мог ничего видеть долгое время, но всё ощущал, что вокруг меня происходило. Это мои, родные, только здорово отросшие! И следующая мысль привела в ужас. У меня выпадают волосы! И страшно колетса борода! Неужели если что-то прибавляется в одном месте, то в другом обязательно убывает? Кстати, а почему меня не смогли подстричь и побрить? Даже неприятно стало от такого к себе отношения. То есть не к себе, а к этому телу. Почему-то приходилось

силком отождествлять себя, своё сознание с этой физической обессиленной оболочкой. М-да-а. Волосы лезут. Теперь что, я облысею?

А потом всё-таки пересилил свой страх и начал осторожно ворочать глазами по сторонам, пока они не заболели. Оглядел по мере возможности своё временное, надеюсь, пристанище. Почему так боялся и занимал своё внимание всякой ерундой, вроде волос на подушке и бороды? Потому что банально было страшно возвращаться в реальность. Просто страшно.

Первым делом попытался осмотреть себя. Бесполезно. Только серое, шерстяное на вид одеяло увидел. С полосками, как солдатское. Или казённое. Больше ничего не рассмотрел, голову-то не поднять, не оторвать от подушки, можно только влево-вправо ворочать, да и то не сильно.

А потом и потолок над собой рассмотрел внимательно. В мелких трещинках побелки, с аляповатыми извивами лепнины в центре и по краям. Люстра на три лампочки с тряпичным абажуром. У двери выключатель чёрной коробочкой выделяется. Стены обыкновенные, крашенные светло-зелёной краской. Прямо напротив моей лежанки картина висит. Вроде пейзаж какой-то. Точно не разглядеть, что на ней изображено, потому что глаза быстро устают, слезиться начинают. Ещё хорошо, что зелёные шторы полностью закрыты, так бы вообще тяжко было.

Рядом с кроватью, прямо напротив подушки тумбочка с кружкой. И ложка. Лучше бы не смотрел. Потому что сразу же захотелось пить и есть. Больше пить, но с этим у меня полный облом. Самому не хватает сил дотянуться. И нет рядом со мной желающих напитать измученный очнувшийся организм влагой и калориями. И сестричка как назло сегодня не показывается. Откуда-то всплыло пренеприятнейшее ощущение резиновой трубки во рту. Нет, не хочу больше такого удовольствия, буду сам стараться есть и пить.

Потом от накотившего приступа раздражения на сестричку и на беспомощного себя попытался подвигать пальцами рук, потянуться к тумбочке. Что-то начало получаться. «Пить захочешь, ещё не так раскорячишься». Откуда это всплыло? А дальше стоп. Остальные мышцы отказывались слушаться. Но уже кое-что из происходящего я начал понимать, сделал предварительные выводы. Это у меня постепенное вживление в тело происходит.

После я долго пытался хоть как-то заставить себя двигаться, шевелиться. Сначала ворочал шеей, но очень быстро устал. Наволочка на подушке из белоснежной превратилась в мятую и серую. От пота. Потел я сильно.

И язык никак не собирался повиноваться своему хозяину. Ворочался еле-еле во рту толстой распухшей сарделькой. Из горла вместо связной речи какие-то непонятные звуки раздавались. Одно хорошо, с каждой новой попыткой всё более и более громкие. Правда, после каждой такой попытки приходилось долго успокаивать дыхание. Непомерными пока для меня оказались такие усилия, лёгкие заболели.

Похоже, именно эти звуки и привлекли наконец-то чьё-то внимание в коридоре. Дверь распахнулась, и в палату заглянула сестричка в белой... В белом... Короче, в чём-то белом на голове. Не платок и не колпак, и даже не шапочка, а что-то среднее. Но красный крест на груди белого... фартука, что ли, я углядел. Больше ничего не рассмотрел, не успел, потому что сестричка быстро скрылась. Правда, дверь за собой оставила открытой. Утопала бегом куда-то вдаль по коридору, что-то удивлённо бормоча на ходу. Впрочем, я и не прислушивался к этому бормотанию, а в очередной раз прислушивался к себе. И радовался происходившим изменениям. Мой сверхчувствительный нюх куда-то быстро исчезал. Чем больше я начинал привыкать к своему телу, чем больше получал окружающей информации, чем лучше овладевал своим телом, тем быстрее пропадали аномальные способности. Вроде сверхчувствительного нюха и слуха. Я возвращался к норме.

– Вот, сами посмотрите, Викентий Иванович, видите? Говорю же, очнулся наш больной, пришёл в себя, – зачистила сестрица, замирая на пороге и вглядываясь в моё лицо, словно опасаясь, что обманулась невольно в своих уверениях.

И что? Разок глянула и довольно, можно и не смотреть. Чёрт, ну как она не понимает, что я стесняюсь своего вида, своей небритой заросшей физиономии, своего беспомощного жалкого тела? Да ещё припомнилось, как они за мной каждое утро убирали... Стыдоба-то какая!

– Голубушка, вы мне пройти-то позволите?

Девушка даже не обратила внимания на слова доктора, так и продолжала стоять на том же самом месте и восторженно смотреть. Чему радуется?

Доктор между тем сообразил, что дорогу ему никто освобождать не собирается, тяжело вздохнул и бочком, бочком протиснулся в палату. И сразу же начал надо мной издеваться, сначала оттянул веки вниз, осмотрел зачем-то глаза. Господи, мне и так тяжело, да ещё это терпеть приходится. А потом и в рот заглянул. Нажал на подбородок, и моя нижняя челюсть на грудь упала. Попросил язык показать, кое-как выполнил просьбу-требование доктора. В довершение всего пульс просчитал, ещё раз лоб потрогал и лёгкие прослушал, потом блестящей штукой туда-сюда перед глазами поводил, довольно похмыкал. Хорошо ещё, что не стал дальнейший осмотр проводить и одеяло с меня стаскивать. Смущаюсь я своего грязного тела.

Я же в свою очередь тоже во все глаза рассматривал своих первых гостей, стараясь впитать возможно больше информации, и слушал тихий разговор своих мучителей. И тихо охреневал. Я такую одежду только в кадрах старой кинохроники видел. Причём дореволюционной, царской, которую периодически по разным историческим каналам крутили. Чёрные лакированные носки туфель выглядывают из-под длинной серой юбки, дальше ничего не понятно, потому что всё остальное скрывает белый крахмаленный фартук с тем самым красным крестом на груди. И белая... Или белый головной убор. И маленькая круглая брошь на воротничке с красным же крестиком на белом фоне. Широкая с красным крестом и какими-то цифирками и буквами белая же повязка на рукаве. Только потом перевёл взгляд на лицо и ничего не увидел. Расплылось всё перед глазами, поехало в сторону. Слёзы выступили от перенапряжения. И почему я начал осмотр с ног?

Опустил веки, полежал немножко, дал отдохнуть глазам. Подождал, пока пропадут разноцветные пятна и резь, прищурился, убедился, что неприятные ощущения исчезли. И только потом посмотрел на доктора. И почему-то на этот раз свой осмотр начал сверху, с лица. Столкнулся с встречным заинтересованным, внимательным и изучающим взглядом, отчего-то смутился.

– Лидия Васильевна, наш пациент явно пошёл на поправку. По крайней мере, основные функции организма работают как должно.

Хорошо, что сестричка не обратила никакого внимания на эти слова, освободила наконец-то проход, обошла в свою очередь доктора и приблизилась к моей кровати. В руках откуда-то появился чистый платок, которым девушка осторожно провела по моим губам. Влага! Я судорожно попытался ухватить тряпку губами, но моя попытка не увенчалась успехом. Слабоват я для этого.

– Лидия Васильевна, дайте вы больному напиток. Пару глотков, думаю, ему можно позволить. На первый раз. И не больше!

Благодетель! Чудо, а не доктор!

Два целебных глотка живой воды растворились в организме, даже не успев докатиться до желудка. Я оторвался от созерцания этой волшебной вожденной кружки, безжалостно уплывающей от меня в сторону, перевёл просящий и умоляющий взгляд на доктора.

– Достаточно на первый раз, посмотрим на реакцию, и если всё пройдет хорошо, без последствий, то можно будет ещё попить, – мягко отклонил мою невысказанную просьбу врач. – Как вы себя чувствуете? Что беспокоит?

Да всё меня беспокоит. Особенно моё полнейшее невладение этим телом. Не совсем, конечно, полнейшее, в последнее время появились кое-какие незначительные успехи, но именно что незначительные. Отказывается оно мне подчиняться. Только так отвечать нельзя. Да и не могу я отвечать, к большому моему счастью.

Каким-то образом доктор понял мой невысказанный ответ, похлопал ладошкой по моей руке и успокоил:

– Очнулись, в себя пришли, и то хорошо. Организм у вас молодой, крепкий, теперь быстро пойдёте на поправку. Залежались вы у нас, голубчик, залежались.

Потом ещё что-то говорил сестричке, но я уже этого не услышал, как бы мне ни хотелось. Я банальным образом просто заснул. От усталости, похоже. И проснулся только утром, когда меня в очередной раз начала обихаживать совсем другая медсестра, не вчерашняя. Эта была покрепче и как-то поплотнее выглядела на первый взгляд, что ли. По крайней мере, мою вялую тушку лихо ворочала с боку на бок, а убедившись, что я наконец-то проснулся окончательно, просто приподняла, просунув руки мне под плечи и вздёрнула вверх, прислонила к спинке кровати, оставив сидеть в таком положении. Подушку только под спину сунула да проверила, не свалюсь ли я набок. Температуру ещё померила, но это уже с моим непосредственным участием. И снова меня бросило в смущение, загорелись щёки, где-то внизу живота заворочалось что-то горячее и приятное. Потому что лицо зашекотала выбившаяся из-под накрахмаленного головного убора сестрички длинная волнистая прядка волос, а я в момент придания этому телу полусидящего положения на такой короткий, к огромному сожалению, миг ощутил прикосновение женской мягкой груди.

А сегодня я уже гораздо лучше начинаю владеть мышцами. И раздражающее и досаждающее покалывание уже почти исчезло. И я себя полностью ощущаю, всё своё тело. Своё ли? И почему зеркала нет? А если спросить? И я спросил.

Сестра внимательно на меня посмотрела, видимо соображая, не рано ли мне иметь свои желания, но похоже, решила сжалиться над убогим и вышла, оставив дверь открытой. Тут же из коридора появились первые любопытные и, воспользовавшись моментом, сунули свои носы в палату. Правда, входить не рискнули, так, от порога посмотрели, помигали, поприветствовали и пожелали дальнейшего выздоровления. Что это они?

Зеркальце сестричка принесла маленькое, где-то сантиметров двадцать на тридцать, на подставке. И придержала передо мной, пока я изучал отражение в нём этого лица.

Закрыв глаза, задумался. Удивления не было, не было и паники. Готов я почему-то был к такому повороту. Чужое смотрело на меня лицо с блестящей зеркальной поверхности. Правда, заросшее бородицей до самых бровей. Может, побриться? Тогда и появятся узнаваемые черты? И постричься заодно. Длинные пряди свисают почти до самых плеч. Бред какой-то. И ничего не вспоминается. Тогда отчего я так уверен, что лицо чужое-то? Из-за тех странных воспоминаний? Нет, просто я это откуда-то знаю. Как быть? Что делать? И почему-то существует твёрдая уверенность где-то внутри меня, что всё у меня будет хорошо, что освоюсь я в этой жизни...

Стоп! В какой это жизни?

Снова густая бездонная чернота перед глазами и голос, звучащий словно отовсюду, проникающий и вызывающий внутреннюю дрожь, хотя чему можно дрожать-то в сгустках парящей в пустом нечто энергии? Выбор! Мне был предложен выбор, и я на него согласился! Вот почему я здесь! Теперь бы ещё вспомнить или понять, где это здесь? Кое о чём я уже догадываюсь, но мало информации, мало. Ничего, что я хочу, второй раз только глаза открыл и уже хочу всё знать. Терпение, мой друг, терпение...

А это откуда? Явно не мои слова. Никогда я так не говорил. И снова я абсолютно уверен в том, о чём не имею ни малейшего представления. Например, в этой уверенности. Просто знаю, что это именно так и должно быть. И всё.

Покормили меня, словно маленького, с ложечки и такой же мизерной порцайкой жидкой, словно водица, кашки. Рук-то до сих пор не поднять, так что приходится терпеть. Хотя какое тут терпение, скорее даже приятно такое ко мне отношение и внимание с явной заботой и участием.

Не успела дверь за сестричкой закрыться, как на пороге нарисовался... Санитар, кто же ещё это может быть? С небольшим металлическим тазиком под мышкой, таким же чайником в правой руке, полотенцем через одно плечо, серого цвета простынкой через другое, с кожаным чемоданчиком в левой руке. Загружен, словно мул.

Молча, без лишних слов замотал меня в принесённую с собой простынку, разложил на придвинутом табурете чемоданчик, откинул крышку. Понятно, парикмахер местный.

Прикрыл глаза и отдался на волю мастера.

Единственное, это ответил утвердительно на вопрос, буду ли сбривать бороду. Конечно, буду, а вот усы подровнять и оставить. Я уже успел заметить, что тут почти все мужчины из виденных мной носят на лице это сомнительное украшение. За ними же постоянно смотреть нужно, подрезать, расчёсывать? По мне так лучше бы и их было сбрить, но пока погожу. Вот когда осмотрюсь, вживусь, тогда и вернусь к этой теме. А пока помолчу и послушаю тихое бормотание мастера. И намотаю на отросший ус всё, о чём он тихонько мне рассказывает...

После завершения процедуры разглядывал своё лицо в поднесённое мастером зеркальце. Исхудавшее, с правильными чертами, можно даже было бы сказать симпатичное, если бы его не портила сильная худоба и небольшой багровый горизонтальный рубец от зажившей раны на лбу. И при виде этой раны яркой ослепительной вспышкой сверкнули воспоминания. Зелёное поле с колышущейся травой под колёсами аэроплана, слабое тарактение мотора за спиной, резко наваливающаяся земля, испуг от налетевшего так не вовремя сильного порыва ветра, удар и скрежет рвущихся тросов и расчалок. Нога же была сломана! А сейчас я ничего не вижу и не чувствую. Нога как нога. Это сколько же я провалялся? Второй месяц, вроде бы так доктор сказал? Или я снова что-то путаю? А на чём это таком древнем я летал? И на этот раз мне повезло. Впервые память меня не подвела. Сразу, словно обвалившаяся с гор лавина, на меня хлынул поток информации и воспоминаний. И я обессиленно сполз вниз, прикрыл глаза, уже не услышав и не почувствовав, как с меня снимают простыню, как собирает свой инструмент санитар-цирюльник, как в палате наступает звенящая тишина. Я заново проживал свою короткую жизнь тут и вспоминал закончившуюся там. И не мог удержать слёзы горечи и расставания с моей прежней жизнью, с родными и близкими, с любимыми. Чтобы начать принимать эту, отныне для меня настоящую.

Что стало с прежним сознанием этого тела, я мог лишь догадываться. Слишком уж огромный и страшный рубец, пересекающий лоб слева направо, или наоборот, кому как удобнее, я видел в маленьком зеркале. А остаточные проявления воспоминаний – это прощальный мне подарок от прежнего хозяина. Теперь я вспомнил всё. Пока только вспомнил. Теперь мне предстоит как-то со всем этим жить. Господи, как хорошо, что рядом никого из родных этого тела нет. И друзья-сослуживцы почему-то не посещают. А то наверняка бы сразу спалился.

«Э-э, нет. Заканчивай-ка ты, дружок, все эти чужеродные словечки использовать. Не знают их в этом времени и не поймут». Резко оборвал пришедшую в голову мысль о посетителях. Разберёмся с воспоминаниями, обвыкнемся с ними, успокоимся и будем жить. А пока нужно сделать вид, что сплю. Мне необходимо побыть одному, и никого я сейчас не хочу видеть и слышать.

И ещё один несомненный плюс от проснувшейся памяти. Теперь я знаю, что со мной происходит. Идёт, как и предупреждал тот голос в темноте, слияние сознания с телом. И сколько этот процесс будет длиться – зависит только от меня самого. Торопиться я не стану, но и затягивать это дело не нужно, а то отправят в столицу к светилам медицинской мысли и начнут исследовать феноменально затянувшееся восстановление организма различными неприятными спо-

собами. А мне это ни к чему, пустое это. И кто скрывается за голосом в вечном нечто, я отныне тоже знаю. И верю в это сокровище так, как никогда в жизни не верил. В той жизни, завершившейся падением на сосны, и в этой, начавшейся тоже с падения в колышущееся зелёное море травы...

Глава 2

Мои постоянные, что само собой разумеется, и ежедневные многочасовые потуги совместить желания проснувшегося сознания с физическими возможностями тела начали наконец-то приносить хоть какую-то пользу. Проросли заново или научились слушать и слышать отдаваемые им приказы мои нервы. А за ними подключились к работе и ослабшие за месяцы практически неподвижного лежания пластом мышцы. Ежедневные перевёртывания дежурной сестричкой моей тушки с боку на бок спасали только от пролежней, да и то не в полной мере. Так что самое первое, чем я занялся после осознания этой самой возможности шевелиться, это попытки придать своему телу хоть какое-то иное положение, отличное от распластанного.

А потом и язык начал слушаться. Речь пока была не очень разборчивой, о дикции я уже вообще не говорю, но несомненные успехи были. По крайней мере, если очень постараться и не торопиться, то можно было поведать сестричке о своих нуждах и сокровенных желаниях. Это я о туалете, если кто не понял. А особо разговаривать я не стремился, тем более с докторами. Нет, язык разрабатывал, а вот болтать при посторонних пока опасался. Следовало полностью освоить переданную мне бывшим носителем память, научиться всем речевым оборотам этого времени и лишь после полного усвоения вышеперечисленного можно отбросить в сторону эту свою осторожность. Если нужно будет, само собой разумеется. А пока лучше помычу да жестами попользуюсь, на пальцах пообщаюсь. Универсальный язык на все века.

Узнал, почему лежу в гордом одиночестве. Госпиталь заполнен на две трети случайными травмированными, наподобие меня любимого, и просто болезненными организмами. Про год, в котором я оказался, не спрашивал, память реципиента всё мне поведала, а вот день и месяц уточнил на всякий случай. А то самому интересно, сколько я в палате провалялся.

Однако война скоро начнётся. Первая мировая. Теперь вот лежу, упражняюсь по мере сил, восстанавливаю, так сказать, немного подвявшее за месяцы вынужденного безделья здоровье и обдумываю дальнейшую свою жизнь. Всё, конечно, не обдумаешь, но наметить главные вехи того пути, по которому мне следует идти, необходимо.

Сразу для себя решил, что лезть в политику не стану со своими жалкими потугами что-то изменить в будущем истории страны. Вряд ли это получится у простого армейского поручика. Да и не считаю себя вправе что-то рассказывать и указывать предкам. То есть, пардон, уже современникам. Мы-то в том времени свою страну, извините за столь мягкое определение, профукали. Так что буду просто жить, помня о будущем и стараясь обеспечить себе эту дальнейшую простую жизнь. Чёрт! И угораздило же меня в этого поручика вляпаться! Нет чтобы в какого-нибудь, пусть даже самого простого, рабочего, но в той же Германии или Франции. Или лучше вообще где-то за океаном очнулся. Нет, вот сюда меня нужно было закинуть, в эту несчастную, богом забытую державу, у которой в перспективе такие великие потрясения. За что людям такие муки предстоят? За какие такие грехи?

Такие вот милые мысли постоянно вертятся-крутятся в моей несчастной голове. И не забываю при этом шевелить конечностями. Не всеми сразу, конечно, а по очереди. Разминаю и тренирую мышцы, восстанавливаю гибкость и подвижность суставов. Доктор не препятствует этим моим упражнениям, наоборот, приветствует, и поэтому, пока оставил меня в этой отдельной палате. Сегодня вечером попробую сделать первую попытку встать на ноги. Надеюсь, получится.

При очередном визите Викентия Ивановича я поинтересовался, почему никто из сослуживцев-товарищей меня не благодетельствовал своим визитом? Оказывается, посещали, особенно в первое время после моей удачной госпитализации. Да и позже периодически кто-нибудь забегал, интересовался состоянием здоровья. А поскольку я пребывал, так сказать, в бессознательном состоянии, то и толку от таких посещений не было. Ни для меня, ни, тем

более, для персонала. Дальше холла никого и не пропускали. Зато принесли мои личные вещи, летнюю повседневную форму, бельё. А поскольку мне всё это пока не нужно, так оно и дожидается меня у сестры-хозяйки. Вот пойду окончательно на поправку, буду выписываться, тогда и получу назад своё имущество. Единственное, что разрешили, так это забрать в палату туалетные принадлежности. И всё. Строго тут в госпитале. Порядок.

Через недельку поднабрался сил и начал выходить в коридор, прогуливался, держась рядом со стеночкой, чтобы в случае чего была хоть какая-то опора. Потом окреп, появилась возможность прогуливаться в госпитальном саду. Вот там я и проводил большую часть своего времени. Прятался в густых зарослях сирени от лишних любопытствующих взглядов и на малюсенькой полянке между густыми зелёными кустами исступлённо занимался собой, стараясь разработать своё тело до приемлемых кондиций. Как? Да ничего особенного, просто обычные распространённые физические упражнения. Ничего заумного вроде китайской гимнастики я никогда не знал, а пользовался старой, наработанной ещё в училище базой да детскими занятиями в спортивной секции.

Тяжело было. Этот организм, похоже, не утруждал себя особым вниманием к своему физическому развитию. И пока выезжал на молодости и неплохих полученных от природы задатках.

Вот и сейчас сижу на стареньком казённом, вытертом шерстяном одеяле, ностальгически напоминающем мне мою армейскую бытность и выпрошенным у санитаров, тяну ноги в стороны, преодолевая боль в отказывающих распрямляться коленях, ломаю негнувшийся позвоночник наклонами. Пыхчу и потею, но не сдаюсь. Тут или я, или оно, тело это неповоротливое и деревянное. И, скорее всего – я, иначе мне с ним не задружиться, не станет оно полностью моим, так и останусь я в нём временным гостем. Надо оно мне? Нет. Поэтому пыхчу, обливаюсь потом, стараюсь достать пальцами рук подальше, до носков стоп, после чего откидываюсь на спину в полном изнеможении, вытираю полотенчиком выступивший на лице и шее обильный пот. Чуть перевожу дыхание. Какие стопы? Тут бы до коленок дотянуться. Ничего, всё равно уже пошёл какой-то прогресс – мне в первые разы вообще не наклониться было при выпрямленных ногах.

Привстаю и руками помогаю ногам вернуться в нормальное положение, соединяю их вместе. Сами это проделать они уже не в состоянии – мышцы дрожат от нагрузок, требуют передышки. Снова откидываюсь на одеялко и какое-то время лежу, всматриваюсь в такое родное бескрайнее и бездонное голубое небо, вслушиваюсь в разноголосое пение птиц и успокаиваю заполошное биение сердца. Ничего, у меня впереди ещё отжимания и приседания. И самое мучительное, это упражнения для мышц живота. Слишком они слабые. Или прежний владелец этого тела не уделял им должного внимания, или они от природы отсутствуют. Но это вряд ли. Из памяти прежнего хозяина, а теперь и полноправно моей, видно, что в училище довольно-таки строго относились к физическому воспитанию своих юнкеров. Тогда получается, это из-за вынужденного безделья у меня почти атрофировался пресс? Да-а, проблема. Нет никакого желания с отвисшим пузом ходить. Так что хватит валяться да птичек слушать, пора отжиматься. А птицы пусть вместо музыкального сопровождения чирикают.

– Господа, посмотрите-ка, чем наш дорогой Серж занимается! – весёлый голос наряду с шелестом раздвигаемых веток сирени прервал мои упражнения на самом тяжком этапе, на отжимании.

Руки предательски дрогнули, и я уткнулся носом в траву. Какая сволочь рассекретила место моего уединения? Наверняка кто-то из прогуливающихся по саду больных. Взмокшее от напряжения лицо сразу закололи мелкие стебельки, откуда-то взявшиеся мураши с садистским удовольствием вцепились в мою бледную после долгого, затянувшегося выздоровления шкуру. Сил повернуть голову не было, так, искоса одним глазом глянул на возмутителей спокойствия. Друзья-товарищи пожаловали, всплыло в памяти. Осталось вспомнить, кто именно.

– Однако, Сергей Викторович, не жалеете вы себя. Разве можно так издеваться над неокрепшим организмом?

И вот этот голос мне знаком. То есть не мне, а прежнему хозяину этого тела. Тьфу ты, чёрт, пора бы уже перестать дистанцировать своё сознание от физической новой оболочки. От этого все мои проблемы с полноценным овладением этим телом.

– Только так и нужно. Или вы хотите, чтобы поручик до Рождества в госпитале пролежал? Нет, я вполне вас понимаю, господа. Размеренный распорядок, хорошее и своевременное питание и, самое главное, добрые, заботливые и симпатичные сестрички вызывают вашу добрую зависть. Что на это скажете, Сергей Викторович? – выразил явную поддержку моим физическим экзерсисам третий знакомый голос.

– Мне бы с силами собраться да от земли оторваться.

– Вижу настоящего лётчика. Не успел раны заживить, а уже от земли собирается отрываться. Одобряем, поручик! – обладатель первого голоса продолжал фонтанировать весельем и задором.

В моём сиреневом закутке сразу стало тесно. Зато весело, к моему внутреннему удивлению. Я самым натуральным образом обрадовался этому посещению.

Так, тянем время, кряхтим и медленно вздымаем эту неподдающуюся мышцам тяжёлую тушку на ноги. При этом судорожно вспоминаем, кто это ко мне в гости пришёл. Что сослуживцы, это и так понятно по весёлым подначкам и своеобразному отношению, присущему лишь добрым товарищам. Память не подвела и в этот раз, любезно высветила имена и фамилии гостей, а также занимаемые ими должности и чины в роте.

Вот этот весёлый балагур, первым протиснувшийся через густые заросли, мой нынешний сослуживец и давний товарищ, поручик Андрей Вознесенский. С ним мы одно училище заканчивали, Александровское пехотное, Московское. Оба мы дворяне, только я сирота, а у него есть в Москве родители и куча других родственников. В училище попали с Вознесенским в одну роту, даже койки стояли рядышком. Так и шли все два года ровно, что в обучении, что по жизни. И в увольнение вместе бегали. Даже пришлось невольно перезнакомиться со всей его роднёй. Впрочем, для меня это было глотком семейного уюта, особых домашних взаимоотношений, по которым я тогда здорово скучал...

А потом жизнь ненадолго нас разбросала, меня на запад, а его на юг, чтобы чуть позже снова свести вместе в Гатчинской авиашколе. Поручика я получил в положенное время и тогда же чётко понял, что нет у меня никакого желания всю жизнь провести среди солдат и в окопах. В мирное время это ещё куда ни шло, хотя полк наш стоял в такой глухой провинции, что не местное общество с его прекрасными барышнями служило для нас отдушиной от службы и развлечением, а мы для него являлись таковым. И перспективы далёкого служебного будущего рисовались такими же беспросветными, потому что не было у меня наверху никакой протекции, а звёзд с неба я явно не хватал. Потому и воспользовался первой же возможностью круто изменить свою судьбу, когда у нас прошёл слух о наборе офицеров в недавно открытую офицерскую воздухоплавательную школу. Отправил рапорт по команде и вскоре получил положительный ответ.

Приблизительно так же жизнь сложилась и у моего товарища. Снова мы вместе учились в Гатчине, потом получили назначение в Петербургский авиаотряд, а потом и сюда перебрались, в Псковскую авиароту. Так что кому-кому, а ему можно надо мной весело и беззлобно подшучивать.

С ним наш доктор, чуть ниже среднего роста, с крепкой и плотной фигурой, с чёрными роскошными усами и такой же антрацитовый густой шевелюрой. Правда, слабоват наш врач на глаза, поэтому вынужден постоянно носить очки. С круглыми стёклышками, как у кота Базилио в фильме-сказке про некоего деревянного обалдуя.

И третий мне прекрасно знаком. Товарищ и сослуживец, лётчик нашей роты прапорщик Миневич, закончивший ту же Гатчинскую авиашколу и получивший назначение к нам в роту перед самым убытием сюда, в этот город.

– Как самочувствие, поручик? – подхватил меня под руку доктор, помогая принять вертикальное положение. – Не переусердствуете в своих занятиях?

– Ничего, благодарю, уже гораздо лучше, – отдуваясь, вытирал я лицо и шею от обильно выступившего пота подхваченным с земли казённым полотенцем. – Устал от ничегонеделания. Вот решил тело в тонус привести.

Доктор с каким-то удивлением глянул, тут же отвёл глаза. Что это он? Нет, наверняка я что-то не то ляпнул. Надо мне быстрее в люди выходить, с народом побольше и почаще общаться. Хоть пойму, что за словечки и обороты в этом обществе и времени приняты, а то память новая как-то мне в этом не особо помогает. Наверняка ведь прокололся. Ладно, пусть на больную голову списывают все мои непонятности и несоответствия. Ага, запретят летать, вот и будет тебе больная голова со всеми вытекающими! Нет, хватит одному в своей палате валяться, точно пора начинать в люди выходить.

– Аэроплан твой восстановили, так что можешь выписываться, – Андрей поспешил высказать радостную для меня новость.

– Ну куда ему выписываться, поручик? Рано ещё. Сами посмотрите, слаб ещё ваш товарищ. Так что пусть ещё полежит, понаблюдается, собой вот займётся, только осторожно, не перенапрягаясь. А я со своей стороны ещё с лечащим врачом переговорю. Давайте мы вас до палаты проводим, Сергей Викторович. Прапорщик, помогите поручику. И, голубчик, куда вы так спешите? Никуда ваш аэроплан не денется.

– Переговорите, доктор, переговорите. Пусть переведут меня в другую палату, а то одному лежать тяжело и скучно, не с кем словом перемолвиться, – подхватил я слова доктора. Не упускать же так вовремя подвернувшуюся возможность найти собеседников. И мягко высвободил свой локоть из цепкой хватки Миневича. – Нет, Николай Дмитриевич, благодарю за помощь, но я уж как-нибудь сам дойду.

Никуда меня переводить не стали, не положено. Оказывается, лежу я в офицерской палате, не по рангу мне с нижними чинами вместе лежать. А больше в госпитале болящих офицеров нет. Ничего, недолго такое счастье продлится. Скоро Первая мировая начнётся, и здесь места свободного не найдёшь.

Выписали меня через две долгие и нудные недели, когда я уже на стены лез от безделья. Даже физические нагрузки не спасали. Книг мало, газеты всякую лабуду пишут, единственная от них польза, так это смог удостовериться, что вполне могу читать текст со всеми этими ятями и ерами. И прочей галиматьёй. И писать тоже, оказывается, могу. Только для этого приходится сознание притормаживать, отдаваться на волю наработанным этим телом автоматическим движениям. Тогда вполне могу писать в духе и соответствии этому времени. А стоит только вдумываться в то, что собираюсь изобразить на листе бумаги, и всё, сплошное палево. Никто моих каракулей не разберёт. Если просто удивятся, считай, мне сильно повезло. Потом не оправдаешься. Упекут в жёлтый дом с решётками на окнах и белой одежде на голое тело. Так, что-то я не о том думаю.

Так вот, выписали, выдали отглаженный мундир, начищенные до зеркального блеска сапоги, новенькую фуражку с чёрным околышем. Распрощался с сестричками – ничего у меня особо такого ни с кем из местного персонала не сложилось, да и не было пока на то ни особого желания, ни здоровья. Лишь в последнее время появились какие-то намётки, но уже банально не успел – покинул это благословенное заведение. Ничего, всё ещё впереди. Наверстаю, было бы желание.

Стою, на реку смотрю, люблюсь. И по сторонам не забываю поглядывать, интересно же. Почти никого нет на улице, так, в отдалении парочка барышень прогуливается, но слишком уж

в отдалении, не разобрать ничего. Одно понятно, что что-то розовое и пышное. Здание госпиталя за спиной осталось. Зелено всё вокруг, солнце пробиться через сочную густую липовую листву не может, лишь светлыми пятнами просвечивает немножко, поэтому на аллее прохладно. Свистнул извозчика, и так это у меня лихо получилось, что я даже удивился. В той жизни свистеть не особо выходило.

– Куда, ваше благородие? – с передка наклонился извозчик, лихо осадив лошадку и остановив пролётку прямо напротив меня.

Коляска на подрессоренном ходу скрипнула, качнулась, принимая мой исхудавший за месяцы болезни организм.

– Где авиарота располагается, знаешь? Вот туда и вези.

Хоть и любопытно было бы поглазеть по сторонам, всё-таки мой первый выезд в город, но волнение и разыгравшееся воображение не давали этого сделать. Вот сейчас меня и выведут на чистую воду. Ладно, в госпитале прошло без последствий, там меня никто не знает, а здесь-то в роте и друзья-товарищи наверняка имеются, куда же без них молодому офицеру, и просто сослуживцев, с которыми не один бокал вина выпил – не счесть. Страшновато, честно говоря. Даже не так. Не страшно, а как-то... Даже и не знаю, как обозвать это ощущение. Ну нет у меня никакого желания влипнуть в неприятности просто так, по-глупому, что ли... Эх, если бы не чёткое указание явиться сразу же после выписки в роту, я бы, наверное, сейчас поехал на съёмную квартиру, посмотрел бы на свои вещи, книги, сделал бы хоть какие-то предварительные выводы о психотипе бывшего владельца этого тела. Среди горожан походил бы, в конце концов, разговоры послушал. А теперь другого выхода нет, если что – придётся сослаться на временную амнезию. Зря, наверное, я в госпитале прикинулся полностью здоровым. Надо было уже там начинать тщательно прорабатывать эту версию...

Как ни волновался, а всё равно по дороге не выдержал и отвлёкся на красоты города, узнавая его и вспоминая. Неоднократно прежний хозяин тела прогуливался по его улочкам. Сначала с любопытством смотрел на мост через реку, через которую мы проезжали, на величественно плывущий в редких облаках золотой купол собора за белыми стенами Крома. А потом и на звонок трамвая среагировал. Впрочем, булыжная мостовая особо не давала задумываться, и подрессоренная коляска почти не спасала от зубовой дрожи. И прохожих не особо получилось рассмотреть. Ничего, ещё налюбуюсь местными видами и красотами. Но в следующие разы только пешком, никаких больше колясок.

Кажется, приехали. И моя прежняя новая память мне чётко подсказывает, что да, мы на месте. Если бы ещё заранее подсказывала, что есть и будет и как мне на всё это реагировать. А то запаздывание какое-то происходит. Ну, неужели нельзя было сразу вспомнить, где находится расположение роты, как туда и на чём можно добраться, что я перед собой увижу на подъезде. И больше того, почему эти воспоминания не прижились полностью? Почему они словно всплывают из глубин памяти как бы по запросу? Словно я их прочитал когда-то и благополучно подзабыл. А теперь по мере необходимости вспоминаю. Эх, а я-то радовался обрётённой памяти бывшего владельца этой тушки.

Теперь вот пришло понимание того, что мне следует дальше делать.

Первым делом доложить командиру, потом отметить в канцелярии, у доктора, а дальше видно будет. Дальше, если не возникнет ничего непредвиденного, можно и на съёмную квартиру отправиться. Есть у меня такая. Снимаю я её почти в центре города, в меблированных комнатах, это я почему-то сразу вспомнил, ещё в госпитале. Нет, даже не так, не вспомнил, а просто сразу знал. Если бы всё так с остальными воспоминаниями просто было. Ничего, приноворюсь.

Пешком до расположения роты от снимаемой квартиры минут двенадцать-пятнадцать в зависимости от скорости передвижения. Удачно я устроился. Впрочем, это квартирмейстер

постарался, весь лётный состав в одном месте проживает. Для удобства начальства, видимо. Там же и столуюсь за отдельную плату у хозяев.

Расплатился с извозчиком, осмотрелся, якобы поправляя форму, любопытно же. Того бардака, что был первое время после переезда из столицы, уже нет. Везде чистота, здания складов и мастерских приведены снаружи в порядок, двухэтажная казарма для нижних чинов сияет свежей краской и чёткими белыми контурами свежевставленных оконных рам. Справедливости ради стоит отметить, что армейские большие брезентовые палатки пока не убрали. Выходит, не доделан ремонт зданий до конца. Ничего, до зимы нам обещали всё закончить.

В расположении роты пусто, никого на территории не видно – делом занимается личный состав. Еле слышен приглушённый стук молотков из мастерских, долетает оттуда же пронзительный перевизг пил. Из-за поворота выкатился грузовичок, прокатился мимо, подняв клубы пыли, завернул за здание склада. Фыркнул и заглох мотор. Ладно, пошёл я докладывать командиру о выздоровлении. Хватит тянуть и откладывать сие мероприятие.

После докторов пришлось вернуться в штаб, доложить о полученном допуске к полётам. И сразу же отправиться на приёмку своего отремонтированного после жёсткой посадки аэроплана.

Память снова устроила выверт, и на этот раз я отчётливо знал, куда и как мне идти, кого я там должен встретить, с кем буду общаться и разговаривать. Отстыкованные крылья сейчас обклеивали в обтяжной мастерской, а мой конечный путь лежит в сборочную. Длинное одноэтажное высокое здание мастерских внутри было разделено на большие просторные помещения свежими деревянными перегородками, сейчас остро пахнущими сосновой смолой. Все мастерские сообщались между собой широкими воротами, чтобы было удобно работать и перемещать громоздкие детали конструкций. Только кузница находилась в отдельном здании. Открытый огонь всё-таки, поэтому и разместили её чуть в стороне.

Иду, глаза разбегаются в разные стороны от обилия новых впечатлений. Как ни крути, а чужая память это одно, а своими глазами всё увидеть это совсем другое. Да и большинство изменений в роте произошло уже после попадания меня в госпиталь. Стой! Даже остановился. Это что? Получается, я только что впервые за всё это время окончательно и полностью слился своим сознанием со своим новым телом? Тяжко вздохнул, вот чего мне, оказывается, не хватало. Полного слияния. Ладно, осознал и осознал, можно дальше идти. Нечего на месте стоять, внимание к себе привлекать. А над только что произошедшим подумать нужно. Хотя, что тут думать? Вбить себе, в конце концов, в мозг, что *я* – это не только моё сознание, но и моё, акцентирую, уже *моё* тело. И нельзя их отделять одно от другого. Неправильно я делал. Даже голова от нахлынувших эмоций слегка закружилась. Вот и перехожу медленно из мастерской в мастерскую, любопытствую, да с людьми здороваюсь. Все заняты своими делами, но по приветствовать почему-то каждый считает свои долгом. Ну и мне поневоле приходится отвечать на каждый такой знак проявления уважения и внимания.

Чётко знал, что вот это механики и мотористы, а это солдатики, проходящие обучение в роте по определённым специальностям.

В механической мастерской перехватили, похвастались и доложили об уже отремонтированной и установленной на корпус колёсной раме. Люди искренне радуются выполненной работе, а мне стыдно. Ведь это по моей вине им работы привалило. То ли ещё будет в стоярке. Насколько я помню, корпус моего самолетика – довольно-таки хлипкая конструкция из деревянного набора и фанеры. Сразу припомнилось, как в полёте вибрирует под ногами тонкий полук, как отдаётся в позвоночник зубодробительная вибрация от работающего мотора за спиной. И сиденье не располагает к комфорту. Оно жёсткое, тоже из фанеры, лишь обтянуто кожей. И без привязных ремней! Вот почему я вылетел из своего кресла вперёд головой! Впрочем, соврал, ремни были, просто из-за авиационной бравады старался в полёте не пристёгиваться. Не идиот ли? Интересно, мой пробковый шлем после встречи с землёй уцелел?

Сборочный цех. Здесь собирают в одно целое из многочисленных деталей наши аэропланы. Вот двое механиков обтягивают только что собранный корпус тканью. Наготове с кистями ждут солдатики. В ногах большие жестяные банки с клеем. Ткань будут пропитывать и таким образом приклеивать к деревянной основе. Потом, после высыхания, она стянется и дополнительно придаст жёсткости и прочности корпусу. Точно так же и крылья обтягивают, а потом лаком пропитывают. Можно корпус и покрасить дополнительно, но у нас этого стараются не делать, лишний вес получается.

Мой уже готов, стоит носом к воротам, ожидает, когда его выкатят на простор из тесного и душного помещения. Это он так считает, что тесное. И я с ним согласен. В небе лучше, там простор и свобода. А земля... Земля она такая жёсткая и твёрдая, зараза.

«Нечего на землю пенять, коли мастерства не хватает. Не по собраниям ходить надобно, а тренироваться больше», – приходит в голову здравая мысль, выдувая разыгравшиеся воспоминания. И тут же приходит понимание, что это за собрание и где оно находится. Как раз в том самом двухэтажном здании с белыми окнами, на втором этаже. И не просто собрание, а офицерское!

Погода на улице стоит отличная, ветра практически нет, поэтому мой аппарат скоро выкатят на улицу, подцепят к грузовику и отгонят в пока пустующий ангар на лётном поле. Уже там к корпусу присоединят крылья, закрепят растяжками и подготовят к облёту после ремонта. Сегодня уже не получится с вылетом, а вот завтра стоит попробовать. Если будет погода. И хочется, и страшновато. Это мой предшественник на этой хлипкой конструкции тяжелее воздуха вовсю летал и радовался, а мне она как-то доверия не особо внушает. Впрочем, ничего другого пока нет. Нам обещают прислать новые аэропланы, но обещанного, как говорят, три года ждут. А по слухам, сейчас идёт усиленное формирование новых авиарот и авиадивизионов. Так что, скорее всего, все новые аппараты уйдут туда, а нам же придётся так и довольствоваться этими. Ничего, запасных корпусов и крыльев на складе много, стеллажи плотно заставлены.

– Что, поручик, любуетесь своим «Фарманом»? – подошедший со спины командир остановился рядом, потянулся за папиросой, вовремя опомнился, досадно скривился и продолжил: – Предлагаю подышать свежим воздухом. Голова уже болит от этого запаха лака.

На улице потянул меня в сторону. Ого! Даже курилку успели оборудовать. Под густыми кронами лип и берёзок вкопали несколько скамеек полукругом. В центре бочка с песком, куда и бросают окурки. И никого, все делом заняты. Лётчики, похоже, все у самолётов, здесь пока никого из них не встретил. Впрочем, нас немного, кроме меня ещё пять человек, четыре офицера и прапорщик Миневич.

– Угощайтесь, Сергей Викторович, – командир протянул серебряный массивный портсигар.

Я потянулся было за папиросой, но тут же опомнился. Нечего травить свой молодой организм этой заразой.

– Что? Неужели бросили? – штабс-капитан удивился и звонко хлопнул крышкой. Крутнул колёсико зажигалки и, прикурив, выпустил струю синего пахучего табачного дыма. Я закашлялся, скривился и отступил в сторону полшага.

– Ох ты! Прошу прощения, поручик. Не сообразил. Но неужели и вправду бросили? Может, и мне своего «Фармана» покрепче о землю приложить?

– Да как-то пропало желание. И не тянет снова начинать.

– Одобряю и поддерживаю. А уж как наш доктор будет доволен, вы и не представляете. Да, Сергей Викторович, не расскажете, что у вас на посадке произошло?

И что сказать? Неужели никто ничего не видел? Да быть того не может, сколько народу на поле присутствовало. И после падения сразу набежали, я же помню. Получается, всё-то он

знает, но по какой-то причине хочет послушать мои выводы. Тогда постараюсь не разочаровать командира:

– На посадку зашёл правильно, начал брать ручку на себя, выровнял аппарат и вот тут ошибся. Надо было его потихоньку отпускать, подводить к земле, а я затянул, потерял скорость – хотелось помягче приземлиться. Порыв ветра подбросил аэроплан вверх, скорости уже не было, потому и упал.

– Ну и какие выводы вы из этого сделали? – прищурился командир.

– Скорость нельзя терять. Аппарат лёгкий, поэтому обязательно учитывать ветер. Ещё можно было прибавить обороты мотору. Впрочем, это вряд ли помогло бы. Мотор слабый, не вытянул бы.

– Интересно. Сами всё обдумали или подсказал кто?

– Сам. Некому было подсказать.

– Удивили. Признаться, не ожидал такого критичного отношения к своим действиям. Всем бы так к себе относиться. А то возомнили себя повелителями неба. А оно шутить не любит. Хорошо, Сергей Викторович. Надеюсь, выводы вы правильные для себя извлекли. Летать готовы? Нет, то, что вас доктор до полётов допустил, я знаю. Другое спрашиваю. Вы к себе прислушайтесь, готовы в небо подняться? А то знаете, бывают такие случаи, когда боязнь после такого падения приходит...

– Если завтра погода будет, готов.

– Снова удивили. Раньше в вас, извините, гонору больше было. А сейчас разумная предосторожность и рассудительность появилась. Не обессудьте, если что не так сказал, но мне надлежит о готовности роты заботиться. Поэтому и обязан я этот разговор вести. Надеюсь, вы меня понимаете, Сергей Викторович?

– Совершенно с вами согласен, Роман Григорьевич. Понимаю, полностью понимаю.

– Да, изменились вы поручик после этой аварии, повзрослели, что ли. Что же, ступайте. Вы на поле сейчас?

– Да. Нужно посмотреть, как аэроплан к ангару доставят, да и потом присмотреть за сборкой.

– Да? – и штабс-капитан снова как-то удивлённо на меня глянул. – Не буду вас больше задерживать. Как освободитесь, зайдите в канцелярию. Возьмёте накладные, пойдёте на склад, получите новую лётную форму взамен испорченной.

– Слушаюсь, господин штабс-капитан.

– Ступайте, поручик. И без официоза, пожалуйста, мы же с вами оба лётчики.

Я посмотрел вслед удаляющемуся грузовику с прицепленным к нему аэропланом, весело плящим и подпрыгивающим на неровностях дороги. Впрочем, дороги как таковой ещё не было, так, слегка обозначенное в примятой траве направление.

Вздыхнул с досадой, сбил привычным жестом фуражку на затылок, вытер тыльной стороной ладони вспотевший лоб, запрокинул голову к небу. Фуражка каким-то чудом удержалась, не упала. В этом движении был особый авиационный шик, сбить её на затылок, а потом посмотреть вверх. Так, чтобы головной убор остался на затылке. Вот, мол, я какой лихой авиатор! Ещё раз вздохнул, чуть поправил фуражку и потихоньку потопал вслед за удаляющимся грузовиком, стараясь держаться примятой колеи под непрерывное пение жаворонка в бездонной синеве над головой. Кожаная подошва сапог проскальзывала на особо густых валиках смятой травы, заставляя напрягать ноги, голенища быстро покрылись пылью и пылью, потеряли зеркальный блеск и приобрели рыжевато-серый тусклый цвет. Сверху, прямо в фуражку жарило солнце, лёгкий ветер волнами гнущейся травы превращал поле в море, а под ногами испуганными мальками туда-сюда шныряли кузнечики. Если бы ещё не эти гадские пчёлы и надоедающие до раздражения слепни, то была бы вообще красота и райская идиллия.

На лётном поле я задержался до позднего вечера. Благо механики накормили. Сначала между собой втихаря погримасничали, что это я возле аэроплана забыл, а потом ничего, привыкли к моему присутствию. Зато я после того, как самолёт был полностью собран, сам всё лично проверил. И тут же объяснил впадшему в натуральный ступор от такого небывалого поступка техническому составу. Не то чтобы я никому не доверяю, но если сам всё проверю, то завтра мне спокойнее будет. Форму только жалко. От былого великолепия не осталось и следа. Как ни берёгся, а всё равно слегка измазюкался и измялся.

Ожидал за спиной понимающих ухмылок, что, мол, поручик после падения на воду дуть стал, забоялся, но ничего такого не было. К моему желанию отнеслись спокойно, с пониманием, поудивлялись, конечно, немного, но удивление быстро прошло, даже начали помогать с осмотром и отвечать на интересующие меня вопросы. А как без них, без вопросов? Нет, в школе мы, конечно, конструкцию изучали, как изучали и мелкий ремонт своими силами. Мало ли где сесть придётся из-за мелкой неисправности? А так хоть починиться можно будет своим силами и долететь куда нужно. Но сейчас я предпочёл узнать по возможности если не всё, то чуть больше положенного по наставлению. Мне на этом аппарате летать, значит, знать я его должен от резинового дутика на колёсах до последней расчалки. Кстати о дутиках. В мастерской я заметил, что многие колёса были спущены и аэропланы стояли почти на ободах. У меня-то, надеюсь, не так? Подошёл, попинал, проверяя накачку шин, чем вызвал весёлые усмешки и подначки механиков.

Вообще я заметил, что здесь, на лётном поле, царствуют совсем другие отношения среди личного состава. Нет той субординации, можно позволить себе неформальное общение. Да и вообще удивился довольному блеску и радости в глазах людей от проделанной работы, от причастности к авиации. Похоже, здесь одни фанаты собрались. Или люди, горячо желающие к ним приобщиться. Потому что кроме офицерского инженерного состава в расположении много младшего и рядового. А ещё, по разговорам, скоро кадеты на практику придут. Из городского кадетского корпуса.

Ближе к вечеру ещё раз запустили мотор, прогнали его на различных оборотах. Мотористы чего-то там послушали с умным видом, покрутили в его внутренностях и довольно доложили инженеру роты, что всё в порядке. А потом и я с ним перекинулся парой фраз. А как иначе?

– Что, господин поручик, не терпится в небо?

Инженер предпочёл придерживаться официальной формы обращения. Значит, и мне следует поступить так же.

– Если погода позволит, то с удовольствием завтра проверю аппарат в воздухе.

– Да? – скепсис инженера можно было намазывать ложкой. – Надеюсь, не так, как в прошлый раз? Впрочем, желаю вам удачи, Сергей Викторович.

И ещё раз скептически оглядел мой измятый, извазюканный повседневный китель. Ничего, сегодня отдам хозяйке, к завтрашнему утру будет словно новенький.

– Благодарю вас, господин штабс-капитан.

Странно, что это с нашим инженером. Неужели из-за поломки аппарата так обиделся? Раньше за ним такого пристрастия к официальнойности не наблюдалось. Коренной петербуржец – с отличием закончил Николаевское училище и по собственному желанию был направлен служить в наш авиадивизион. По слухам – сейчас готовится поступать в инженерную академию. Ладно, что мне с ним, детей крестить, что ли? Но пока буду чётко следовать букве Наставлений и Уставов. Так, на всякий случай.

Инженер ещё раз искоса на меня глянул и ни с того ни с сего обмолвился:

– Не ожидал я от вас такого энтузиазма, Сергей Викторович, не ожидал. Да-с. Впрочем, сие стремление к изучению техники похвально. – Развернулся и ушёл, оставив меня в лёгком недоумении.

Аэроплан руками закатали в ангар, навесили на ворота самый натуральный амбарный замок, сдали под охрану часовому. Тщательно отмылись, почистились, насколько это возможно. Впрочем, последнее касалось только меня, у остальных-то была сменная рабочая одежда. И своим ходом двинулись в расположение роты.

Уходил с сожалением. За день так и не удалось всласть надышаться запахами смятой травы под ногами, ароматами цветущего поля, смолистого дерева конструкций, окончательно досыхающего лака на отремонтированных поверхностях аэроплана, раскалённого металла мотора и бензина, который тоже пришёлся в тему и совершенно не нарушал общей гармонии. А потрескивание остывающего после пробы двигателя это вообще отдельная симфония!

Напоследок оглянулся на стройный ряд высоких брезентовых ангаров, на малюсенький по сравнению с ними домик метеостанции, на приземистую казарму аэродромного взвода охраны, похожую на переделанный товарный вагон.

Всё, теперь попасть на стоянку можно только с письменного разрешения командира. Правда, попробуй это объяснить деревенским коровам, свободно разгуливавшим по лётному полю. За ними, конечно, приглядывают пастушата из местных ребятишек, но им и самим интересно поглазеть на аэропланы, на технику, покрутиться между ангарами. Поэтому и оказываются страдающие от слепней животины в непосредственной близости к лётному полю. И сколько их не гоняют прочь солдаты охраны, толку от этого мало. Лишь бы на взлёте и посадке не попались...

А ребятня пользуется моментом и смотрит на технику и персонал огромными восторженными глазами. Присмотр за ними нужен. Нет, ничего они не утащат, но потрогать да в руки ухватить какую-нибудь деталь вполне могут, если не уследишь. А потом вдруг окажется, что обратно не туда, куда надо, положили. Но это всё днём, с наступлением вечера, когда жизнь на лётном поле замирает, почему-то и коровы смещаются далеко в сторону, поближе к городской окраине, к своим хлевам. Трава-то везде одинаковая. Значит, дело в самих пацанах.

От сегодняшнего присутствия в офицерском собрании еле-еле отговорился. Рано мне ещё такие испытания для неокрепшей психики. Одного аэродрома хватило. Набрался общения и впечатлений выше крыши. Хоть и старался больше слушать, чем болтать, а всё равно приходилось тем или иным образом участвовать в разговоре. Даже несколько раз удачно и в тему рассказал пару анекдотов. Народ сдержанно посмеялся, не зная, как отнестись к такому вольному обращению. Поэтому пришлось сделать правильные выводы и подождать с активным внедрением в местные реалии, чтобы не спалиться. А ещё нужно успеть зайти за накладными в канцелярию и попасть на склад.

Зато конструкцию своего «Фармана» я теперь знал практически досконально. А что там было знать? Одного взгляда с высоты своего образования, которое никуда не делось, и огромного практического опыта было достаточно. Мотор, правда, пока ещё казался тёмной лошадкой, но после завтрашнего вылета я обязательно посету мотористов. Надеюсь, да что там надеюсь, уверен, что ничего сложного не увижу. Разберусь. Для чего мне это нужно? Во-первых, имеющихся воспоминаний явно недостаточно. Похоже, мой прежний реципиент придерживался несколько иной модели поведения и не был столь общителен с техническим составом. Да и, судя по всему, особенно по неприкрытому их удивлению, не горел желанием изучать матчасть своего аппарата. Летает и ладно, такое было отношение. А меня это не устраивает в корне, не умею я так к любимому делу относиться. Да и самолёт этот лишь на первое время сойдёт для меня, дальше я что-нибудь обязательно придумаю. Ведь недаром я через все мастерские прошёл, своими глазами на станочный парк посмотрел. Так что обязательно как-нибудь усовершенствую свой аппарат.

Глава 3

В канцелярии явно заждались. Впрочем, мне этого не показали и особого недовольствия моей задержкой выказывать не стали, но витало, витало в воздухе что-то этакое, недовольное. Старший в кабинете офицер оторвался от изучения многочисленных бумаг на столе, стоило только скрипнуть входной двери, поднял голову, чуть-чуть склонил её к плечу, как бы изучая вошедшего, держа короткую паузу, как бы выказывая этой молчаливой задержкой своё неодобрение моему позднему визиту. Впрочем, задержка в хамство не перешла, можно и не особо обращать на это внимание. Что уж говорить – заслужил. Мог бы и пораньше прийти. Начальник не глядя протянул в сторону руку и каким-то чудом в ней оказалась серая папка с белыми завязками. Выпрямился, одновременно проделывая две вещи. Отодвинул массивный стул с высокой прямой спинкой и развязал тесёмки.

Поправляя указательным пальцем правой руки роскошные усищи, начальник левой мне протянул пару тонких листочков исписанной бумаги:

– Потрудитесь расписаться. Вот здесь, внизу. За порчу имущества и выдачу взамен нового. За испорченное вычтем из жалованья.

Даже бурчать не стал, молча согласился. Хорошо, что сразу озадачили, не пришлось в глупое положение по незнанию попасть. Кое-как накарябал перьевой ручкой свою, надеюсь, подпись. Времени ставить эксперименты с наработанными рефлексамися не было, поэтому постарался в этот момент подумать о завтрашнем полёте – и рука сама выписала нужные каракули. Отдал листочки, с замиранием сердца подождал хоть какой-то реакции. Не дождался, никому проверять мои каракули на подлинность не захотелось. Оба листа были тут же бережно отправлены в бумажную папку и отложены в стол. Взамен мне протянули другие. Накладную на выпи-санное имущество.

– Поторопитесь, поручик, склад скоро закроют.

Пришлось последовать грамотному и, главное, своевременному совету. Вдруг из глубин памяти всплыло запоздалое знание офицерского этикета. Кивнул да звонко так прищёлкнул каблуками сапог, прощаясь. И похоже, до того лихо это у меня получилось, да и видимо совершенно не свойственно этому телу, что работники канцелярии даже оторвались от своих сверхважных бумаг и дел и подняли головы. Всё это время они очень усердно изображали активную работу и не обращали на моё кратковременное присутствие ни малейшего внимания, словно и не было посторонних в кабинете канцелярии. Или и впрямь бумажной работы хватало, а я тут по старой ещё той привычке на них бочку покатыл? Не знаю, да и не моё это дело, у них свой начальник есть, поэтому упрячу-ка я поглубже свои скороспелые предположения.

Прикрыл за собой дверь и заторопился. Вдруг и впрямь склад закроется?

Квартиру, ключи и поздний для меня ужин я даже не буду вспоминать. Как и затянувшуюся беспокойную душную ночь. Практически бессонную, несмотря на мою сильную усталость. Уже перед самым рассветом забылся в тревожном коротком сне – снова летели навстречу золотистые стволы сосен, о чём-то пустяковом и одновременно важном неразборчиво лопотала дочь, с ласковой и печальной улыбкой прощалась навсегда супруга. «Всё!» – пришло отчётливое осознание необратимости расставания. Открыл глаза с саднящей, медленно истаивающей болью в груди, со следами слёз на мокром лице. Распрощались окончательно. Отныне я принадлежу целиком и полностью только этой реальности. Сразу стало легче на душе, отпустила двойственная неопределённость, словно опустился между нашими мирами некий невидимый барьер.

После лёгкого, скорее даже символического для меня, завтрака за хозяйским столом облачился в отчищенный и отглаженный мундир, поспешил на построение. Узел с полученными со склада вещами я вчера оставил в караульном помещении. Очень уж тяжёлым и неудоб-

ным он получился. Новая кожаная куртка, такой же кожаный шлем, простые хлопчатобумажные галифе и почему-то сапоги. Зачем мне ещё одни сапоги? И ещё кое-какое хэбэшное барахлишко. Что мне, ради этого узла извозчика нанимать? Нет уж, не такое великое у меня жалованье, чтобы его по всяким пустякам тратить. А тючок прекрасно меня и в расположении роты дождётся, тем более начальник караула почти не возражал. А почти в нашей службе не считается.

Кожаную сбрую, то есть куртку и шлем, положено держать при самолёте. Это неотъемлемый атрибут именно техники, а не лётчика. Вот сегодня как раз и отнесу новое имущество в лётный ангар. Старое, так понимаю, списали после моей аварии. А куда списали-то? Ладно, шлем – вряд ли он мог пережить такую горячую встречу с землёй, потому как из пробки сделан, лишь сверху кожей обтянут, а куртка? Похоже, кому-то она срочно понадобилась. Потому так быстро и легко её списали. И не удивлюсь, если скоро в городе кто-то будет щеголять в лётной одежде. Или я по старой памяти наговариваю на вещевики? Ещё бы не наговаривать, если за эту куртку из моего жалованья что-то там вычли. Кстати, я так и не посмотрел, сколько именно вычли, не до того мне было. А жаль. В дальнейшем необходимо более серьёзно подходить к таким делам. Если с меня вычли, то должны были бы за мной и оставить. Моя явная плюха. То на извозчике пытаюсь сэкономить, то прямо-таки на глазах превращаюсь в мота и транжиру своего личного имущества. Пойти вернуться и разобраться? Впрочем, я уже свой автограф на бумагах оставил, так что поздно трепыхаться. Потому с меня так быстро подписи и затребовали, чтобы не успел осмотреться, да ещё закрывающимся складом внимание отвлекли. Что же, вот мне и первая наука на будущее.

Утреннее построение и развод на занятия прошёл уже не так болезненно тревожно, как моё вчерашнее посещение расположения авиароты. Похоже, мой ночной сон что-то изменил во мне, в моём отношении к этой реальности. Вот и славно, а то я уже сам устал от странных вывертов собственного сознания. Пора бы отбросить всё лишнее в сторону и начать новую жизнь. Сколько можно мучиться? Который раз за последние дни прихожу к решению, что уже всё, хватит одновременно двумя мирами жить, и пока никак не выходит, всё равно что-то да проскакивает из прежних воспоминаний. И как ни больно с ними расставаться, а нужно. Мне сейчас больше пригодилась бы настоящая прошлая память. Впрочем, у нас бы сказали по-другому, более точно определяя моё нынешнее состояние: «Сколько можно ерундой страдать? Ты офицер или где?» И это ещё самое мягкое и удобочитаемое выражение. Литературное, так сказать. Хотя, если мне свыше решили оставить эти воспоминания, значит, это для чего-то нужно?

Что же, придётся перестать бороться с самим собой, принять всё происходящее как должное и начать соответствовать высокому званию русского офицера. Лишь бы первое время никто не лез с бестолковым сочувствием, маскируя им своё праздное любопытство.

Правда, стоит отдать должное такту моих сослуживцев. С лишними вопросами никто не приставал, любопытствующие если и были, то они никак не проявили себя. А вообще очень интересно на присутствующих посмотреть. Форма одежды у всех разная, у кого какая. Мундиры военные и гражданские, полевая, куртки кожаные и набивные, чёрные комбинезоны механиков – чего только нет, глаза разбегаются от разнообразия. Артиллерийские эмблемы соседствуют с морскими якорями, много пехотных знаков, таких же, как и у меня самого. Хромовые сверкающие сапоги перемежаются ботинками и мягкими полусапожками. Разнообразные фуражки соседствуют с пилотками и папахами, кортики, палаши и сабли сверкают позолотой. Неужели ещё нет единой формы? И, кстати, а где моё личное оружие? Что-то я его не нашёл в снимаемой мной комнате. Надо будет сегодня же прояснить этот вопрос.

Сразу после построения в числе самых расторопных или торопливых заторопился к машине. Нет никакого желания задержаться и поболтать с офицерами. Закинул узел с вещами в кузов грузовика, сам перелез через борт в компании механиков и лётчиков, перебрался ближе

к кабине. Водитель с помощью кривого стартера запустил мотор, заскочил в кабину и, перегазовав, резким рывком тронулся, вызвав законное возмущение пассажиров. Кое-кто не удержался на узких деревянных скамейках, завалился назад, на соседей, и образовал на дне кузова этакую кучу малу.

– О, вот и мои новые сапоги! – рядышком примостился Вознесенский, покосился с намёком на плотно увязанный тючок с вещами. Вытянул из кармана портсигар, раскрыл и достал папиросу. Не успел поднести её ко рту, как нас снова тряхнуло. Бедолага тут же прикусил язык, выругался и так же крепко, как и я, вцепился в крышу грузовика при очередном прыжке на неровности поля. И сразу же несколько раз сильно хлопнул открытой ладонью по крашенной в защитный цвет фанере. – Эй, Матвейч, дави на педаль тише, не дрова везёшь!

Само собой, в ответ ничего вразумительного не прозвучало, но тому, что поручика явно услышали, свидетельствовало сразу же стихшее завывание двигателя. И грузовичок пошёл медленнее и уже не прыгал по неровностям поля резвым зайчиком, а почти плавно и солидно переваливался с боку на бок.

Вот вроде бы ровное на первый взгляд поле, а быстро ехать невозможно. А взлетать тогда как с него? Как разбежаться и садиться аэроплану? Посмотрим. Память подсказывает, что никаких проблем с этим не возникало. А почему так, даже не задумывался ранее. Вроде бы как специально укатывали полосу для взлёта и посадки.

Вот и наши ангары. Часовые уже сняты, кое-где копошатся служивые, некоторые вороташторки распахнуты настежь. Грузовичок притормаживает пару раз по требованию, пытит, ворчит, нетерпеливо дожидаясь, пока очередная группка механиков покинет его низкий борт. Грузоподъёмность и объём кузова не впечатляют габаритами, поэтому он быстро опустел. Остались лишь мы с Андреем. А автомобиль радостно и облегчённо рванулся к зданию метеостанции. Там будет общий сбор пилотов эскадрильи.

Начали выгружаться, и только сейчас я вспомнил про так и валяющийся сиротливо под ногами тючок. Надо было перед своим ангаром попросить остановиться и выгрузить его... Забыл в суете. Ладно, придётся на своём горбу тащить. Ничего, управлюсь, тут недалеко. И кстати:

– Андрей, а почему твои сапоги-то?

– А чьи же ещё? Твои-то, что на тебе были, порезали. Вместе с галифе. А жаль, знатные они у тебя были, кавалерийские. Тут же, на поле, когда тебе шины на ноги накладывали, и порезали. Иначе не снять было. И выкинули их. Забыл, что ли? А-а... – тут же растерялся и смутился. Видимо вспомнил, что я без сознания тогда был. Но быстро опомнился и продолжил с задорным напором: – Я тебе новые взамен порезанных купил и отнёс в госпиталь. И брюки и сапоги. Как бы ты оттуда после выписки до квартиры добрался? Босиком при форме или в казённых тапочках? А верный товарищ о тебе позаботился, цени! – И как бы между прочим добавил: – Так что мне компенсация положена. Вот сапогами и возьму.

И залиvisto рассмеялся.

Я только хмыкнул в ответ:

– Да забирай, не жалко. Только зачем тебе вторая пара? – И потянулся к узлу.

– Ты что? Я же пошутил! – перехватил мою руку Андрей. – Даже не думай, иначе обижусь. – И тут же лукаво усмехнулся. – Впрочем, ты можешь сегодня вечером нам пару французского красного на стол выставить в собрании, я не откажусь.

– Выставлю, договорились. Сегодня или в следующий раз, но обязательно выставлю.

Нет, не готов я ещё к такому плотному общению. Не успеваю за быстрыми сменами чужого настроения, за оборотами речи, за сменой поведения. Привыкать необходимо быстрее, а то наверняка окружающим меня людям странным кажусь. Даже мой друг иной раз после своих шуток поглядывает как-то настороженно, удивлённо, что ли. Моей ответной реакции

удивляется? Или её отсутствию? Ладно, просто нужно немного больше времени на полную адаптацию. Память реципиента одно, а личные впечатления и реакции – совсем другое.

Расселись в курилке. Один в один такая же, что и у мастерских, только размерами чуть больше. А-а, припомнил, почему. Именно здесь и происходят так называемые предполётные указания и межполётный разбор. Ладно, летом, а зимой как же? Впрочем, до зимы ещё времени много, начальство что-нибудь придумает. А пока есть время оглядеться.

Я вчера немного ошибся, издалека плохо было видно, что это за домик на невеликом холме, похожий на товарный вагончик. А это как раз и есть с одного входа метеостанция, а с другой стороны караульное помещение аэродромной охраны. Там даже своя курилка небольшая организована, как раз отдыхающая смена крутится, дымит папиросами. За домиком прямоугольный сруб небольшой часовни, побеленной известью, с крестом на маленьком куполе. Чуть сбоку, в стороне от домика, почти у подножия холма выкопан большой погреб, рядом с которым пост с часовым. И высокая, метров десяти, мачта на металлических тросах растяжек с огромным полотнищем обвисшего безвольно флага. Ветра-то нет.

Грузовичок пропыхтел ещё несколько раз туда-сюда, народу у ангаров прибавилось, выкатили самолёты, механики начали суетиться вокруг них. И в курилке добавилось офицеров, завязался весёлый непринуждённый трёп ни о чём. Правда, без моего участия. Все шестеро пилотов собрались, доктор присоединился к нашей тёплой компании, метеоролог. Командира и инженера ждём. Потихоньку рассматриваю собравшихся. Судя по всему, со всеми у меня ровные приятельские отношения были. Останутся они такими или нет дальше, посмотрим. А пока, на первый уже лично мой взгляд, люди как люди, офицеры как офицеры. Самое главное, врагов и недоброжелателей среди них нет. Такая у меня появилась уверенность. Пока поверю.

Андрей что-то смешное рассказывает, вызывая периодически весёлый смех собравшихся. Задымили папироски, пришлось отодвинуться и пересесть в наветренную сторону.

– Поручик, вы что, после госпиталя курить бросили? – тут же заметили моё демонстративное движение окружающие. И самый молодой из присутствующих в курилке не удержался от любопытства и вопроса. А глаза-то как горят от интереса.

– Правда, прапорщик, правда.

– Как же так, Сергей Викторович? Разве так можно? А традиции? – растерялся Миневиц. Да и остальные присутствующие примолкли, вроде и в стороны смотрят, но я спинным мозгом чувую, что всё внимание ко мне приковано.

– Понимаете, Николай Дмитриевич, у меня в госпитале было достаточно времени над этим подумать...

А народ-то снова глаза в сторону отвёл. Каждый из них где-то в глубине души не желает оказаться на моём месте в той аварии. Нет, это не страх и не боязнь полётов, иначе бы не летали, просто неосознанная опаска. Отсюда из этой опаски и происходит вся показная авиационная бравада, традиции эти надуманные, дабы показать свою избранность и бесстрашие... Папироски, усы, бороды, позёрство. Скоро начнут в кожаных куртках по городу ходить...

– Решил, нечего здоровье папиросами гробить. Лёгкие у меня одни, других не дадут. Традиции же... Всё должно быть в меру и к месту. Мне вот в госпитале пришлось усы сбрить. Да-да, не удивляйтесь, сбрили, потому как волосы могли в рану на лбу попасть...

Взгляды офицеров переместились на мой изуродованный шрамом лоб, вильнули в стороны. А в курилке-то все примолкли, к нашему разговору внимательно прислушиваются. А то, что это я сам их сбрил, когда немного окреп, так это совсем другое дело и никого оно не касается. Продолжу.

– Это новые отросли за время вынужденного безделья. Но знаете, подумываю их тоже сбрить. Без усов лучше. Отвык я как-то от них.

А почему все взоры переместились на доктора? Это что, настолько выбивается из моего прежнего образа то, что я только что произнёс? Ведь намеревался же молчать, так нет, принесло с вопросами этого прапорщика, пристал, как банный лист к одному месту. Теперь наверняка слухок по роте разнесётся, что после аварии и удара головой о землю у поручика мозги повредились. Да и ладно. Скоро всем не до меня будет, Первая мировая на носу... А вот и командир. Скорее бы в небо, там никто с вопросами не пристанет...

Новая, необмятая кожаная куртка стоит коробом, затрудняет движения. К шлему механики тут же привинтили авиационную эмблему, прикрутили офицерский знак. Для знака места на тулье не хватило, пришлось его почти на макушку крутить. Эмблема больно много места занимает. Двуглавый орёл держит в лапах перекрещенные меч и пропеллер. На груди птицы в круге стилизованная буква «Н», Николай, выходит. Затянул ремень под подбородком, кое-как справившись с неразработанной пряжкой, нашарил глубоко под креслом привязные ремни, вытянул их наружу, вызвав неподдельное удивление механиков. Ничего, привыкайте к моим новым странностям. Ох, чую – слухов ещё больше разнесётся. Да и ладно, одним больше, одним меньше. Отныне без ремней никуда. Кстати, а почему у нас парашютов нет? Вроде бы как их уже должен был Котельников изобрести? Позже поинтересуюсь.

За спиной затарахтел роторный семидесятисильный «Гном», фанерный корпус задрожал, завибрировали, загудели расчалки. Ещё раз на всякий случай покрутил ручкой управления, посмотрел, как ходят элероны, оглянулся на руль высоты. Подвигал педалями. Работают свободно, ход лёгкий. Хватало случаев попадания разнообразного барахла под педали и тросы, приводящего к их заклиниванию. Выпускающий механик дал отмашку, разрешая движение, и тут же побежал к левой законцовке крыла. Так и порулил к укутанной взлётной грунтовой полосе, сопровождаемый с двух сторон механиками.

Видимость вперёд никакая – высоко задранный нос фанерной гондолы закрывает горизонт, приходится наклоняться вбок и так пытаться что-то рассмотреть. Кабинка двухместная, второе место впереди предназначено для наблюдателя, но у нас их пока нет. Всё обещают прислать кого-нибудь из Гатчинской авиашколы, но пока так никого и не дождались. И хорошо, что не дождались. Вряд ли при моей аварии кто-то смог бы уцелеть на переднем сиденье. Его же всмятку разбило от удара о землю, в щепки.

Развернулся с помощью механиков в начале полосы, заодно они и в роли тормозов выступают. Встали впереди крыльев, упёрлись в них руками, держат, не дают катиться. Натянул на глаза очки-консервы, поправил перчатки-краги на руках, размял пальцы, глянул вперёд, по сторонам.

Коров поблизости не наблюдается, взлёту ничего не мешает. Погодка как на заказ – ветерок слабый, почти строго встречный. Над головой чистое небо, до горизонта ни облачка, значит, и болтанки не будет. Это уже к полудню пойдёт активный прогрев почвы, появится турбулентность и начнёт образовываться кучёвка. Чуть впереди и слева у ангаров народ стоит, смотрит на готовящийся к взлёту аэроплан. За мной наблюдают? Придётся постараться не разочаровать любопытствующих.

К собственному удивлению, никакого мандража перед полётом у меня не присутствовало. От слова вообще. Ну не испытывал я страха от своего первого полёта. Был уверен в своих прежних навыках, да и многочасовой опыт на более продвинутых самолётах давал твёрдую уверенность в своих силах. Нечего раздумывать. Рукоятку газа плавно вперёд до упора – за спиной довольно затрещал моторчик, набрал обороты, даже тряска пропала. Дал отмашку руками, и механики отпустили крылья, отскочили в стороны, пригнулись, что-то крикнули неразборчиво. Да что тут разбирать-то? И так понятно, что удачного полёта пожелали.

«Фарман» рванулся вперёд!

Ага, я тоже это хотел бы увидеть. На самом деле он начал медленно разгоняться по укутанному взлётному полю, всё наращивая и наращивая скорость. Все неровности грунта жёстко

ощущались, гм, позвоночником. Пришлось крепко стиснуть зубы, чтобы не прикусить язык от тряски. Словно на телеге еду. Наконец на педалях и ручке управления появилось хоть какое-то сопротивление, проявилось ощущение аэроплана, слияние с ним. Господи, что за неповоротливое бревно! Зато тряска практически пропала, колёса ещё катятся, но крылья вполне уверенно начали опираться на воздух.

Расслабил кисть, чуть отпустил руку, поднимая хвост и придерживая ручку пальцами, выровнял аппарат по курсу педалями, бросил быстрый взгляд на курилку. Командир смотрит. Скорость на глазок километров тридцать-сорок в час. А в верстах сколько будет? Потом пересчитаю. Вообще-то пора уже отходить от километров и на вёрсты переключаться.

Прыг, прыг и зависание. Ещё короткий прыжок, прощальный пинок земли снизу в пятую точку, словно для придания вертикального ускорения, и я подхватываю аэроплан, удерживаю его в воздухе, тут же парирую возникший крен. Ох, до чего же он дубовый!

Трава плавно уходит вниз, скорее не из-за тяги «мощного» двигателя, а из-за естественной кривизны Земли. Приборов никаких нет, всё приходится определять на глазок. Высота уже метров двадцать, можно прибавить обороты двигателя. Ещё чуть-чуть, вот так будет в самый раз. Интересно, какова скороподъёмность? Два, три метра в секунду? Или меньше? А если бы впереди наблюдатель сидел? Вообще бы еле взлетели? А-а, пустое, главное, я лечу!

Аппарат медленно карабкается ввысь, встречный ветер вжимает щёки, по губам больно лупит забравшийся на высоту какой-то жук, а моё сердце поёт от восхищения этим непередаваемым ощущением свободного полёта!

Однако пора разворачиваться. Высоты хватит, на глазок метров сто пятьдесят – двести, болтанки нет, полёт спокойный. Мотор тарахтит за спиной ровным баском, придаёт уверенного оптимизма настроению. Ручку влево, скольжение убираю правой педалью, чувствую, как начинает сопротивляться набегающий поток воздуха, бьёт по педали, старается вернуть плоскость руля направления в нейтральное положение. Нет ни триммеров, ни бустеров, сплошное удовольствие и непередаваемые ощущения от прямого физического управления. А если попробовать чуть-чуть помочь развороту и увеличить крен? Хотя и не положено так делать по Наставлению, но за руку меня никто не схватит, рядом тоже никого, так что я теряю? А навыки нарабатывать необходимо, времени впереди мало осталось. От моих собственных умений моя же жизнь и будет напрямую зависеть!

Ручку круче влево и...

Теперь понятно, почему в Наставлении развороты в воздухе рекомендовано выполнять с малым креном, с помощью педалей, а лучше вообще без крена. Потому что стоило мне лишь только подумать о желании слегка круче наклонить аппарат влево, как он сразу же начал неудержимо заваливаться в ту же сторону. Говорю же, инертный! Да ещё и начал нос заметно вниз опускать. Пришлось срочно парировать коротенькими движениями ручки управления на себя и вправо эти возникающие моменты, одновременно прибавив обороты мотору. Хорошо ещё, что прежнего опыта ручного пилотирования у меня выше крыши и неба – справился. Зато как здорово было ощущать буквально повисший на ручке «Фарман»! А если попробовать развернуться в другую сторону?

Э-э, нет, пора притормозить с экспериментами! Это всего лишь облёт авиатехники после проведения восстановительных работ по ремонту после неудачного приземления! Именно так мне было указано командиром и инженером в полётном задании.

Приземлюсь, отчитаюсь, выполню ещё один полёт, тогда и опробую это фанерное чудо в полной мере. А пока на первый раз довольно.

Делаю второй разворот уже более уверенно и почти не задумываясь о координатах, беру курс на белый квадрат аэродромной часовни. Прибираю обороты, аэро план самостоятельно плавно опускает нос, начинает планировать, набегающий поток воздуха весело шипит в тросах, тёплой ласковой ладошкой бьёт по лицу, безуспешно старается забраться под кожаные уши

шлема. Проверяю направление и силу ветра по положению полотнища флага на мачте рядом с домиком охраны. Штиль, флаг сейчас вяло висит возле самой мачты, даже не трепыхается. Доворачиваю в торец посадочной полосы, пора уменьшать вертикальную скорость. Добавляю оборотов мотору, двойным движением ручки управления придавливаю взбрыкнувший было вверх аппарат и вхожу в привычную мне глиссаду. Сейчас эта траектория никак ещё не называется, пилоты садятся так, как умеют и как бог на душу положит. Всё зависит от личного мастерства.

Только вхожу на удалении полуверсты от первых деревянных полосатых щитов, которыми обозначена через равные промежутки наша взлётно-посадочная полоса.

У земли идеальные для посадки условия. Штиляра!

Вот и торец полосы.

Ручка газа на упор, мотор расслабленно и с явным облегчением тихонько фыркает за спиной, шелестит пропеллер, набегающий поток воздуха уже не шипит в стойках и расчалках, но тем не менее надёжно держит аппарат в воздухе.

Плавно приближаюсь к укатанному грунту, одновременно с продолжающимся падением скорости начинаю плавно и осторожно брать ручку на себя. Широкий нос кабины закрывает горизонт, и я привычно переношу взгляд влево вперёд. Мягкое касание с раскруткой колёс, ручку так и продолжаю удерживать в том же положении, не отпускаю. Аэроплан стремительно теряет скорость, и я ещё подтягиваю ручку на себя, разгружая колёса и придавливая хвост к земле. Нет никакого желания из-за какой-нибудь неровности скапотировать носом. На этой модели не предусмотрены противокapotажные лыжи, приходится только на собственное мастерство и рассчитывать. Впрочем, не особо эти лыжи-то и спасают. Центр тяжести находится почти в центре масс, как и фокус, создавая пилоту весь букет трудностей при пилотировании, что в небе, что на посадке. Это я сразу для себя крепко уяснил в этом полёте... Может, для этого времени этот аппарат и считается устойчивым и легкоуправляемым, но только для этого.

Чёткая посадка, как учили. Впрочем, и условия для посадки лабораторные. Ветра нет, воздух ещё не прогрелся, поэтому и тепловой воздушной подушки под крыльями не образуется. А вот во втором полёте нужно быть повнимательнее. Как раз все эти дополнительные факторы и могут возникнуть. Да что могут, обязательно возникнут. Ничего, справимся.

Рулю на стоянку, прямо в руки набежавших механиков. Разворачиваем совместными усилиями аэроплан, и я глушу натрудившийся мотор.

На удивление, ни кожаная жёсткая, стоящая коробом куртка, ни такое же жёсткое и твёрдое сиденье под моей пятой точкой, ни плохой обзор земли с моего рабочего места – ничто не может перебить этого захлёстывающего восторга, этого обилия впечатлений от вроде бы как первого самостоятельного в этой новой жизни полёта. До сих пор в ладони приятная тяжесть аппарата.

Сжимаю кулак перед лицом, кручу его в разные стороны. Вот только сейчас в этом кулаке было всё. И моя собственная жизнь, и допотопный фанерный биплан, и непередаваемое удовольствие от полёта. Нет, вы только представьте, вот в этой руке находился весь самолёт, через эти пальцы я мог прочувствовать его малейшее движение и намерение, вот этой самой рукой я держался за небо... Хочется кричать от восторга.

Стоп, стоп, стоп. Из какого ушедшего будущего вернулись давно забытые воспоминания? Восторг и эйфория. Знакомые чувства после самостоятельных полётов. Раньше когда-то, давным-давно, в далёкой-далёкой молодости точно такие же ощущения испытывал, и вот они возвратились из канувшего в лету забвения прошлого. А сейчас это прошлое превратилось в настоящее. Прекрасное настоящее. И здесь, в этом не таком уж и маленьком фанерном самолётике с ручным допотопным управлением, с дохленьким моторчиком в семьдесят чух-

лых лошадок, без каких-либо приборов вообще я на короткий срок сроднился с небом. Это непередаваемые ощущения.

И чётко понял. Всё, я полностью слился сознанием с телом после этого вылета, перестал воспринимать его словно временный подарок, стал с ним единой частью. Так что теперь будем жить! Столько, сколько отме рено!

Обрадованные механики готовили аппарат к повторному вылету. Ещё бы им не радоваться. Замечаний нет, все узлы работают нормально. Можно дозаправить и снова отправить аэроплан в небо. И заняться своими делами. Ну а мне необходимо сначала доложить командиру и инженеру роты. Без их разрешения меня в полёт не выпустят.

Стянул краги, скинул с плеч куртку, перекинул её через нижний трос руля высоты, расстегнул пряжку шлема, снял. Ух, как хорошо. Всё-таки здорово вспотел – волосы мокрые. Повертел головой, куда бы его приспособить, этот пробковый котелок, чтобы просох от пота? На будущее надо бы подшлемников себе пошить. Пропустил ремешок через тот же трос, застегнул – пусть пока так повисит. Поймал удивлённые взгляды своих механиков, подмигнул в ответ. Пусть начинают появляться новые привычки и традиции.

До курилки дошёл неспешным шагом, заодно и остыл после полёта и утряс впечатления в голове.

– Господин штабс-капитан...

– Сергей Викторович, мы же договаривались. Между собой без официоза, тем более на лётном поле. Здесь мы с вами просто лётчики.

– Извините, после госпиталя заново приходится ко многим вещам привыкать.

– Да, это заметно. Поэтому вы и сегодняшней завтрак со вчерашним ужином в офицерском собрании пропустили?

И я вспомнил. У нас вообще-то трёхразовое казённое питание в столовой. Даже не подумал, точнее не припомнил об этом. Очередная промашка.

– Роман Григорьевич, как на духу скажу. Испугался вчера любопытных расспросов, сочувствия и участия. Да и захотелось одному побыть. А завтрак... Так я же у хозяев столуюсь.

– Понимаю, всё понимаю, но наш доктор этого как раз может и не понять. Так что вы уж перед следующими полётами постарайтесь и ужинать и завтракать в собрании. Хорошо?

Кивнул в ответ. А что говорить-то? Не знаю. Надеюсь, и так сойдёт. Сошло.

– И как слетали? Аэроплан в порядке?

– Замечаний нет, всё нормально.

– Это хорошо, что замечаний нет, инженер доволен будет. Да вот он идёт, сейчас сами ему и расскажете. А пока его ожидаем, вы мне расскажете, как это вы так лихо сели? Что-то раньше я за вами таких успехов не замечал.

Вот спасибо предшественнику. Сколько ещё меня подводить можно? Теперь придётся как-то оправдываться. Ладно, сошлюсь на то, что у меня было много времени на переосмысление своего лётного опыта. Заумно? Да нифига, прокатит!

И прокатило. Только командир вряд ли мне сразу так и поверил. Ничего, сейчас ещё разок слетаю, только отлечу подальше, есть же здесь какие-нибудь зоны для пилотирования? Постепенно начну приучать окружающих к правильному и нужному мне о себе мнению. Ох, как завернул. Сам-то понял, что подумал? Вроде бы понял. Короче, нужно работать на собственный авторитет.

Хорошо, что не задал вопроса о пилотажной зоне. Не было здесь ничего подобного. Отлетел от аэродрома подальше и крутись себе на здоровье, если нет другого задания. Да по сторонам поглядывай в оба глаза. А то прилетит такой же любитель, да по закону подлости заберётся на ту же высоту, и ага. Земля, она такая твёрдая и ошибок не прощает. Это я точно знаю. Только над городом запрещено летать. С личного разрешения губернатора только можно и то по праздникам. Опасаются обыватели ненадёжной техники.

Инженер выслушал молча мой короткий рапорт, даже вопросов не задал, лишь кивнул одобрительно в конце и повернулся к командиру, показывая этим движением явное окончание разговора. Неуважительно? Может быть, но не уверен. А раз не уверен, то и задираться не стану. Глупо это будет выглядеть. Какие-то у меня с ним отношения... Напряжённые, что ли? Ещё вчера явную неприязнь в коротком разговоре ощутил. И ничего сразу так не вспоминается. Ладно, это позже обдумаю. Или у Андрея поинтересуюсь таким его странным поведением.

Развернулся и шагнул прочь из курилки. И натолкнулся на входящего в скамеечный круг доктора.

– Сергей Викторович, как самочувствие?

– Отлично, Павел Антонович, отлично. Ничего не болит, чувствую себя просто великолепно.

– Голова там в небе не кружится? Во рту сухости не наблюдается? Кашля не было?

– Нет, ничего такого не было.

– Хорошо, поручик, хорошо. Вы куда так торопитесь?

– Хочу ещё разок слетать, пока погода хорошая.

– Осторожнее там. И за самочувствием следите. Если что, сразу возвращайтесь, не геройствуйте.

– Буду следить. Простите, Павел Антонович, мне пора.

– Ступайте, голубчик, ступайте.

Краем глаза видел внимательно прислушивающихся к нашему разговору офицеров. Да и ладно. Что это все вокруг меня крутятся? Что такого во мне необычного? Простой я поручик, простой, как только что пролаченная фанера на моём «Фармане».

Перед вылетом кое-как убедил механиков не сопровождать аэроплан до взлёта. Куда и как рулить, я теперь знаю, ничего сложного в этом деле не вижу. А полосы для взлёта за глаза хватят, даже если без искусственных тормозов обходиться. Пришлось надавить офицерским авторитетом и взять все будущие проблемы на себя. Если они будут, конечно.

Убедился, что никто и ничего не мешает рулению, и дал отмашку. Тут же механики убрали колодки из-под колёс, разбежались в стороны. Встрепенувшийся моторчик толкает аппарат вперёд. Никто и ничего не мешает рулению. А механики так и сопровождают меня по бокам, хорошо хоть соблюдают уговор и не держатся за плоскости. Ну и ладно. Разворачиваюсь в начале полосы, выравниваю аппарат по курсу и даю максимальный газ. Почему-то в этот раз даже быстрее разгоняюсь. И отрываюсь от земли прямо напротив курилки со стоящими офицерами. Плавным разворотом с набором высоты увожу самолёт в сторону. Крен держу небольшой, градусов десять-пятнадцать на глазок. Как приборов-то не хватает! Хоть стакан перед собой ставь. А что, это идея. Будет цирк в небе. Да ещё можно его разградуировать...

Ну, стакан это перебор, само собой, а вот что-то подобное стоит придумать. А что на других аэропланах роты установлено? Надо будет посмотреть. У нас же не только «Фарманы» есть. Как-то я раньше об этом не задумывался. Что в Гатчине на них летал, только на пятнадцатых, что здесь, в роте, но уже на двадцатых. И другого аэроплана мне не нужно было. А ведь командир что-то такое мне предлагал – пересесть на другой самолёт. А я отказался, дурень.

Вверх забираться не стану, высоты в несколько сотен метров достаточно. Вот теперь покрутимся, повиражим для начала. После чего восходящая и нисходящая горка. На что-то более серьёзное я пока не замахиваюсь, слишком мал у меня опыт управления этим аппаратом. Вот освоюсь, тогда и подумаю, что на нём можно сделать. И стоит ли что-то делать. Машина откровенно слабая, конструкция хлипкая, даже сейчас слышно, как тяжело стонут от напряжения расчалки и играет обшивка крыльев. И моторчик ни о чём. Как на такой машине воевать? Сколько можно взять бомб? Килограммов сто, двести? А если впереди наблюдатель сядет, да

ещё и пулемёт поставят? Всего ничего и останется. Это же сколько разбежаться придётся с полной загрузкой...

Забрался повыше и покрутился с максимальным креном, который только смог удержать и с которым смог справиться мотор. Нет, аппарат, конечно, хорош для этого времени, но мне бы что-то более современное. Надо поинтересоваться у командира. Только не сразу, сначала докажу, что летаю хорошо и грамотно, авторитет завоюю, который явно потерял после неудачной посадки, в среду вживусь. И времени на всё это у меня очень мало. Сколько? Два месяца? Ничего, справлюсь.

Глава 4

К ангару подкатился по инерции на выключенном моторе, а там меня за крылья поймали механики, сразу же развернули хвостом ко входу и зафиксировали колёса колодками. Всё, сегодня полёты для меня закончены. Отлетелся. Сейчас освобожу кабину, а в ангар его и без меня закатят.

На удивление полёт прошёл ожидаемо спокойно. Почему на удивление? Ожидал хоть какой-то болтанки от прогревающейся земли и быстро развивающейся облачности, но немного трянуло лишь в тот момент, когда под крылом неспешно проплыл широкий овраг. Самолёт сначала немного просел, а потом словно вспух на мягкой подушке.

Вот и все сегодняшние сюрпризы, даже посадка неожиданностей от прогретого грунта не добавила. А может быть, это спокойствие происходит от невеликих скоростей этого времени? Может быть, может быть.

Развешиваю куртку со шлемом на тяге руля высоты, команду личному составу построиться в тени ангара. Два механика, прапорщик и унтер смотрят на меня как на идиота, но команду выполняют беспрекословно. К ним пристраивается солдатик-ученик и оказавшийся рядом водитель грузовичка. Наверняка про себя костерят меня на все лады, списывают доселе невиданные причуды на последствия травмы головы. Ох и пересудов будет сегодня на аэродроме. Ничего, кто тут старший начальник? А его, то есть мои, приказы не обсуждаются, а беспрекословно выполняются. Пусть начинают привыкать, скоро эта привычка нам всем пригодится.

Одного из приписанных к «Фарману» механиков в строю не хватает, но пока выяснять, куда запропал мой подчинённый, не стану. Позже, когда обживусь, когда люди привыкнут к моим новым привычкам и требованиям, начну постепенно затягивать гайки. Или не начну, потому что механики впахивают на авиатехнике с полной ответственностью и гордостью, и не за страх, а за совесть, к великому моему удивлению.

Благодарю всех, даже примазавшегося к строю водителя за добросовестную работу, за качественную подготовку аппарата к полётам, за службу в конце-то концов. Отказов нет, поломок нет. Распускаю строй и разворачиваюсь к выходу. На границе светотени меня перехватывает озадаченный прапорщик:

– Сергей Викторович, это что сейчас было?

– В смысле? Вы о построении? Механики добросовестно поработали, аэроплан отлетал без замечаний, поэтому я решил высказать вам свою благодарность. Вас что-то удивляет в этом моём желании?

– Нет, вы правильно сделали. Только, простите, раньше такого у нас никогда не было, и это несколько удивляет.

– Теперь будет. Да, у меня есть небольшая просьба к личному составу, Дмитрий Олегович. К следующему вылету приготовьте несколько мешков с песком. Чтобы каждый мешок был весом... – я на секунду задумался. – Пуда в два.

Удивление на лице прапорщика было настолько явным, что я поспешил разъяснить свою просьбу:

– Хочу проверить, насколько увеличится разбег с разной загрузкой. Будем ставить опыты.

Оставил за спиной в ангаре ошарашенного моими причудами старшего механика и заторопился на доклад командиру в курилку. Да, похоже, прав я в своих предположениях – сегодня на аэродроме мои косточки не по одному разу перемоют.

На моё счастье, командир был один. Ни доктора, ни инженера, ни кого-либо ещё из офицеров поблизости не наблюдалось. Чуть в отдалении, у входа в караулку, как всегда, перекури-

вала бодрствующая смена. Полёты ещё продолжались, это я единственный быстро налетался и так рано закончил. На сегодня мне хватит.

– Вы делаете явные успехи. Признаться, думал, что первая посадка у вас случайно такой эффективно выразительной получилась. Но вы и второй раз умудрились сесть не хуже. – И штабс-капитан похлопал рукой по скамейке: – Присаживайтесь, Сергей Викторович.

– Благодарю, Роман Григорьевич, я уже достаточно насиделся сегодня, – кивнул в ответ головой, тут же принял строевую стойку и начал докладывать, вынуждая и командира подняться на ноги. – На сегодня полёты закончил. Аэроплан в полном порядке, замечаний по работе техники и действиям механиков нет.

Знаю, что так никто не докладывает, не принято пока такое, да мне всё равно. Главное, я так отныне буду делать. Приучаемся к порядку и других приучаем.

– Хорошо, хорошо, – отмахнулся штабс-капитан. – Эка вы к официозу тянетесь. Что дальше планируете делать?

– Дальше? На сегодня достаточно полетал. Если разрешите, хотел бы завтра поэкспериментировать и проверить аэроплан на грузоподъёмность.

– Для чего, поручик? Я вам могу и так сказать. Больше четырехсот фунтов не возьмёте. А если наблюдателя посадите на переднее сиденье, то в два раза меньше.

– Это всё верно, Роман Григорьевич. Думаю, что реально получится ещё меньше. Моторы у нас уже к половине ресурса подходят, значит, и тяга у них упала. А если пулемёт поставим? Сколько тогда бомбовой нагрузки сможем взять?

– Эка вы раздухарились, поручик, – закричал командир. – Где же мы вам пулемёт возьмём? И бомбы? Вы что, воевать с кем-то собрались?

И что мне ему ответить? Что через два месяца война начнётся? Так не поверит ведь. И никто не поверит. А на меня ещё сильнее коситься станут, да и слушок нехороший может пойти. Ну его к дьяволу, лучше отговорюсь:

– Ну-у, я всё-таки военный лётчик, Роман Григорьевич. Будем воевать или не будем, а тренироваться нужно.

– Это вы правильно сказали. Тренироваться необходимо. Когда вы планируете лететь? Завтра с утра? Ну что же, завтра вместе на аэродром и пойдём – посмотрю я на ваши тренировки. Может, и лично поучаствую. А сейчас не желаете ли посмотреть, как ваш товарищ сажать «Депердусен» будет? – и обозначил направление интереса кивком мне за спину.

Что же, можно и посмотреть. Заодно увижу, что это за птица. Мне-то командир в своё время предлагал на «Буазен» пересесть, да я отказался. Впрочем, я про это уже упоминал.

Теперь вижу, почему командир так моими сегодняшними посадками заинтересовался.

Аэроплан Андрей подвёл к полосе низко, в горизонте, над входными буйками прибрал обороты и долго его выдерживал, чтобы погасить скорость. Неужели и я так же сажал? Видимо, да, школа-то одна. Наконец задрал нос и коснулся земли на чуть великоватой скорости. Некоторое время пробежал на колёсах, убрав полностью газ и опустил хвост. Всё понятно, скоростная посадка на подготовленное поле. А если на неподготовленное и незнакомое? Хвост вверх и носом вперёд, в землю? Как я во время своей аварии? Надо бы посмотреть, как другие лётчики садятся, да и вообще напроситься полетать с другими да посмотреть, как они пилотируют в воздухе, какие фигуры выполняют. Хоть какие-то выводы можно будет сделать и понять, к чему нужно стремиться. Сразу в голове возник вопрос, а как же тогда сейчас посадка на три точки выполняется? И стало понятно, почему так ветра все опасаются.

Проводив взглядами подруливший к своему ангару моноплан, развернулись друг к другу. Как-то одновременно у нас с командиром это получилось. Потому что я уже сообразил, что именно мне желает сказать штабс-капитан, о чём спросить. Но подожду вопроса.

– Закурите? Нет? И правильно, – командир неторопливо вытянул папироску из портсигара, прикурил, прищурился из-за попавшего в глаза дыма, чуть отвернулся в сторону, выпуская синеватое вонючее облако. – Что скажете, Сергей Викторович? О посадке?

Потянул паузу, якобы приводя мысли в порядок, а на самом деле соображая, стоит ли всю правду говорить? Думаю, пока не стоит, рано. Информации у меня мало к обобщению. Вот понаблюдаю за полётами, присмотрюсь, тогда и можно будет что-то говорить. Если нужно будет, конечно. А то странно как-то получается. Только что разваливший свой «Фарман» при неудачной посадке поручик опытных пилотов летать учит. Или советы начинает давать. Бред же. Полный. Так что мои соображения пусть пока при мне и останутся. До поры до времени. А сейчас пусть будет так:

– Хорошая посадка, правильная.

– М-да, Сергей Викторович, совсем вы на себя прежнего не похожи.

– В смысле?

– До аварии прежний поручик при виде посадки своего товарища сейчас шумно выражал бы свой восторг, махал руками, проговаривал во всеулышание действия лётчика. Нынешний же словно совсем другой человек, рассудительный и спокойный, одним разом повзрослевший. Вас часом в госпитале не подменили, Сергей Викторович? Вы только не обижайтесь на мои слова, слишком уж сильно вы изменились после того случая.

– Сами же и ответили, Роман Григорьевич, что изменился я только после аварии. В госпитале у меня мно-ого времени было надо всем подумать.

– Грех такое говорить, но многим из молодых офицеров не помешало бы вашим путём пройти, чтобы ума-разума набраться. Впрочем, я несколько отошёл от темы. Вернёмся к моему вопросу. Что о посадке скажете?

– Скоростная посадка. Потому и подход к полосе низкий.

– Вот! Правильно! И все так садятся! У вас же сегодня получается совсем иначе. Непривычно глазу и любопытно. Поэтому завтра я с вами и хочу лично слетать. Посмотрю, как пилотируете, заодно вы и свои опыты с грузами проведёте. Побуду у вас вместо балласта. – Замолчал, потому что на посадку заходил очередной самолёт, понаблюдать внимательно за его приземлением, вытянул из командирской сумки блокнот, что-то в нём черкнул. Теперь понятно, почему командир всё это время в курилке сидит. Он за действиями нашими наблюдает да себе в тетрадочку ошибки записывает. Интересно, разбор полётов сразу будет, здесь же, или чуть позже?

И я посмотрел на посадку «Вуазена», выпускаемого у нас в России, в Санкт-Петербурге. Ничего нового, никаких отличий от предыдущей.

Ладно, всё это хорошо, а мне-то что дальше по распорядку делать? И ответов я в своей памяти почему-то не нахожу. Что-то новое происходит, то, чего раньше не было?

– Да, Сергей Викторович, я вас больше не задерживаю. И не забудьте, вечером обязательно встречаемся в собрании.

Ну вот, что-то проясняется. Похоже, я свободен до ужина. Можно уходить с аэродрома.

Нет, этот разговор, судя по тому, как замялся командир, не закончен. Что-то ещё сказать хочет, но не решается. Постояю, подожду, на небо вот посмотрю.

– Сергей Викторович, – решился командир. – Понимаю, что не моё это дело, но так думаю, что нынешний вы меня поймёте правильно. С прежним поручиком я точно не стал бы на такую щепетильную тему разговаривать...

Что ещё за новости? Ишь, как он неловко себя чувствует, заранее извиняется за предстоящий разговор. Только не говори мне, что я дочку или жену губернатора соблазнил, слишком уж заходы соответствующие. Ладно, что раньше времени гадать, послушаю, что там будет дальше.

– Ну зачем вам Ольга Константиновна?

Точно, угадал! Если сейчас скажет, что это супруга какого-нибудь нашего или городского начальника, я буду долго смеяться. Молча, само собой, про себя. А потом рыдать от злости на себя же такого бестолкового и дурного. И тоже молча. А штабс-капитан тем временем продолжил:

– Я же вижу, что она вам совсем не интересна. Это вы просто таким образом досадить Герману Витольдовичу хотите. Это же низко. И что вы с инженером не поделили? Уж точно не эту девушку...

Так, уже легче. И пока ни капельки не стыдно. Раз девушка, значит, точно не чья-то жена. Уже хорошо. О, выходит, вот почему инженер на меня волком смотрит. Я у него даму сердца отбиваю... А с какой целью? Давай-ка, Серёжа, вытаскивай из глубин памяти истинные мотивы своего поступка...

– Оставьте вы её, не мучайте двух хороших людей... Понимаю, что для её родителей ваше дворянское звание является лакомым куском, но всё-таки подумайте ещё раз, нужно ли это лично вам?

Пока командир говорит, я быстренько прокрутил в памяти все воспоминания, что остались от прежнего хозяина, и пришёл к выводу, что я, тот прежний, до переселения, несколько погорячился в этом случае. Ну есть некоторые перегибы в поведении инженера по отношению к своим подчинённым, но у кого их нет? Даже у меня самого, если критично к себе относиться, их вполне хватает, особенно сейчас. Так что зря я тогда на Германа накинулся. Матчасть учить нужно было, а не вино с офицерами в Петербурге распивать да к весёлым девкам в бордели бегать. Тогда бы и не было того конфуза с моими слабыми знаниями эксплуатируемой техники, из-за которого весь сыр-бор у нас с инженером и разгорелся. То-то он вчера так удивился, когда меня в ангаре вместе с механиками застал. И ещё. Подумаешь, гордится он своими знаниями и своим престижным училищем. Гордится-то по праву. И в Академию опять же собирается поступать. А гонор... Ну и что, что гонор? У многих он присутствует, стоит только себя прежнего вспомнить и на других офицеров посмотреть – время нынче такое. Пресловутый и модный цук. Да-а, придётся как-то разруливать эту ситуацию. И Оленька эта мне ни с какой стороны не сдалась. Помню я эту девушку теперь. Всплыла она перед глазами. Ничего особенного, не в моём теперешнем вкусе совершенно. Однако хватит воспоминаний, лучше послушаю командира. А то пока я вспоминаю, он же так и продолжает что-то говорить...

– А у Германа Витольдовича намерения серьёзные. Если бы не вы, он бы давно уже Ольге Константиновне предложение сделал. Подумайте хорошо, Сергей Викторович, а?

– Благодарю вас, Роман Григорьевич, – даже поклонился.

– За что? – опешил наш командир.

– Глаза мне открыли. Я даже не рассматривал наши с ним пикировки с этой точки зрения. Ну ставлю я палки в колёса инженеру на личном фронте, и что? А у него, оказывается, всё серьёзно. Вот я дурень великовозрастный.

– Ох, – облегчённо выдохнул штабс-капитан. – И сказать вам было нужно, и понимаю, что нехорошо в такое дело мне лично влезать. Груз с души сняли, поручик. Нет, право, Сергей Викторович, удивляете вы меня всё больше и больше...

С удовольствием и не спеша пошёл в сторону расположения, благо идти на самом деле не так и далеко. На свои вещи в ангаре махнул рукой, куда они не денутся. В следующий раз заберу, да и нет там ничего срочно необходимого. Правда, на полдороге меня подхватил грузовичок, из кузова которого мне махнул рукой Андрей. Что хорошо, так это высоко залезать почти не требуется, ногу через борт перекинул и уже в кузове находишься. Зато от этой встречи была несомненная польза. Вознесенский обещал перед ужином за мной на квартиру зайти. Ну да, мы же все неподалёку друг от друга проживаем, на Сергиевской, в доме госпожи Немцовой. И, кстати, почему бы не воспользоваться оказией и не напроситься к другу в полёт? Так и сделал. На завтра и договорились. После моего вылета с командиром.

Здесь что – когда желаем, тогда и летаем? Так выходит? А если вообще не желаем? Тогда что, можно всё время на земле просидеть?

Всю вторую половину дня готовился к посещению офицерского собрания. Это не ерунда и не пустяк в этом времени. Здесь собираются все офицеры и вольноопределяющиеся нашей роты, приходят по праздникам приглашённые гости. И это большая для них честь – попасть в число таких приглашённых. Опять же лишний повод родителям вывести в свет своих дочерей и родственниц на выданье, показать-познакомить с возможными перспективными женихами.

Лето – почти весь состав всех трёх полков Пскова убыл в летние лагеря. Так что мы сейчас нарасхват. И весь личный состав горячо это одобряет. После ужина все переходят в большую гостиную, где установлен рояль. Есть и гитара с мандолиной. Желаящих отметить своей игрой не счесть, все что-то умеют, один я скромно топчусь в уголке. Мне с детства медведь на ухо наступил, и все об этом прекрасно знают. Единственное, когда из меня можно выжать несколько похожих на пение куплетов, это после нескольких выпитых фужеров вина. Да и то не всегда. Зависит от собравшихся и собственного настроения и желания. Одно дело перед сослуживцами позориться и совсем другое – перед штатскими.

Столы в столовой установлены в форме буквы «П». Накрахмаленные скатерти свисают почти до паркета. Венские стулья с гнутыми полированными спинками. На стене прямо по центру висит икона, под ней георгиевская лента в полстены с георгиевским же крестом. Во всех углах фикусы и лимонные деревья с круглыми, аккуратно стриженными кронами, в больших деревянных кадках. С высоты межоконных проёмов строго глядят портреты императора и царской семьи вместе с великими князьями. Окна удивили рулонными шторами. А вот люстра в центре столовой простая, двухъярусная. Внизу матерчатый абажур, а над ним несколько изогнутых рожков с плафонами. Сверкает серебром и мельхиором посуда, солнечные лучи отражаются на гранях хрустальных бокалов, рюмок и стаканов. Накрахмаленные салфетки, цветы в драпированных белой бумагой горшках на каждом столе, высокие вазы с яблоками и виноградными гроздьями, полные пока графинчики и бутылки с чуть прикрытыми пробками. И подающие тарелки молодые солдатики. У нас официанток не имеется.

Среди присутствующих мелькнули редкие аксельбанты, блеснули позолотой несколько кортиков. Хорошо, что я свой прицепил к ремню, а то ещё сомневался, брать его или не брать. Увидел Андрея с точно таким же и плюнул на сомнения. А вот огнестрельного оружия не принято в собрание брать. Кстати, свой наган я нашёл на самом дне чемодана. И на аэродроме я никого с оружием не видел. Кроме часовых, само собой разумеется.

Сегодня день простой, праздников нет, поэтому вокруг все свои. Моё место за столом рядом с Вознесенским. Хотя здесь это выбивается из неких негласных правил. Обычно все садятся вперемешку. Унтера со старшими офицерами, лётчики с механиками, вольноопределяющиеся... Те вместе с докторами обычно сидят. У каждого своё, закреплённое только за ним место.

Чувствую себя немного не в своей тарелке. Приходится как-то выкручиваться со всеми этими вилками и бокалами. От спиртного отказываюсь наотрез, невзирая на дружеские подначки Андрея. Мне завтра летать. Впрочем, как я позже заметил, на это дело особо никто не налегал и вином не увлекался. Зато вскоре общий чинный разговор разделился на несколько отдельных и полился непринуждённо и просто.

Я в основном старался отмалчиваться, да меня особо и не тревожили разговорами, не надоедали вопросами и не требовали ответов. А потом народ потихоньку потянулся в гостиную, замурлыкал негромко рояль, запела мандолина. Примостился за спинами в сторонке у стеночки, спрятался за фикусом, постоял ещё немного, вживаясь в атмосферу и ушёл по-английски, не прощаясь. Да и не с кем мне было прощаться. Андрей, как всегда, собрал вокруг себя небольшую компанию, оттуда периодически был слышен задорный и громкий хохот, остальные тоже разбились по группкам. Вот инженера я не увидел. Наверное, командир рассказал

ему о нашем с ним разговоре – и тот поскорее помчался навёрстывать упущенное? Попутного ветра ему в спину.

Внизу снял с вешалки фуражку, кивнул дневальному у дверей и вышел на вечернюю улицу. С наслаждением вдохнул свежий воздух, расправил плечи и неторопливо зашагал к центру города. Времени впереди ещё много, ночи стоят белые, можно прогуляться перед сном, на город посмотреть, ну и себя показать. Опять же всё буду ближе к съёмной квартире. Да и съеденный ужин перестанет на ремень давить.

Красивый город. Посередине мощённой булыжником мостовой серебрятся металлом трамвайные рельсы. Цокают подкованными копытами сытые кони, везут солидно и неторопливо своих пассажиров. Город зелёный, с парками и скверами, в зарослях обильно цветущей сирени, с многочисленными цветочными клумбами. Здания поражают разнообразием и формой. Красный кирпич перемежается с гранитом и деревом, хватает и вездесущей штукатурки.

И горожане. Глаза разбегаются от непривычной мне одежды, от пышных длинных женских юбок, обилия белых зонтиков в руках. Сердце начинает стучать чуть поспешно – не выдерживает быстрого, но, к счастью, кратковременного обстрела женскими взглядами. Одёргиваю себя, ещё свежи воспоминания о былом, хоть и удаляются они в прошлое с каждым прожитым днём всё дальше и дальше. Жизнь продолжается, и возврата к минувшему нет.

Много прогуливающихся парочек самого разного возраста и достатка. Откуда-то звучит музыка, впереди играет духовой оркестр. Впрочем, я быстро привык к новым и необычным для меня одеждам, к её пышным формам и вскоре начал замечать и другое. Простенькие костюмы не столь состоятельных горожан, изредка мелькающие однотонные и не привлекающие особого внимания бедные рубахи и такие же штаны совсем уж простого люда, и вездесущую юркую босоногую ребятню с окраин. Среди праздно прогуливающегося народа сразу можно было выделить людей в форме и городских, внимательно следящих за этой мелкой босотой. Если первые величаво и солидно прогуливались, таким образом подавая себя обществу, то вторые усердно несли службу.

Поглядывали и на меня. Признаюсь, было интересно, даже грудь каким-то неведомым образом развернулась, плечи расправились, и подбородок гордо поднялся над горизонтом. Но больше в форме в город выходить не стану, потому что приходилось довольно-таки часто козырять встречным офицерам старшего и среднего звена. То я тянул руку к виску, приветствуя старших по чину, то приветствовали меня, и я снова вскидывал прямую ладонь к фуражке, стараясь сделать это красиво и с особым шиком. Как учили. Хотя это я привередничаю. На самом деле офицеров в городе осталось немного. Перед самым нашим приездом все три полка отправили, как всегда на лето, во Владимирский лагерь. В городе остались немногочисленные дежурные составы. Поэтому нам и получилось так удачно воспользоваться освобождённым на лето казённым офицерским жильём. Но человеческая натура предпочитает везде искать хоть какую-то выгоду, особенно когда денежное содержание оставляет желать лучшего. Многие офицеры, и я в том числе, отказывались от казённого и снимали частное жильё, получая так называемые квартирные деньги. Сумма определённая и неизменная, а саму квартирку можно подобрать поскромнее и попроще, сэкономленные же в результате этого деньги потратить на книги по военному делу, на пошив обмундирования или на офицерские так называемые встречи. Гулянки, если по-простому.

Однако два крайних дня у меня выдались слишком уж суетливыми и напряжёнными. Пошёл неторопливо сначала по Кахановскому бульвару, свернул на Стенную улицу и прошёл коротким Поганкиным переулком на Великолуцкую улицу. Дошёл до просторной торговой площади, посмотрел издали на памятник Александру Второму. Ближе подходить не стал, смутило большое количество прогуливающихся. Впереди и чуть левее величественной громадой стоял Троицкий собор, подпирал куполами низко парящие редкие облака. Ещё чуть левее и ниже просматривался круглый купол Благовещенского собора. В следующий раз обязательно

дойду и всё подробно рассмотрю, потому что скоро его не станет, взорвут большевики в тридцатых годах. Мол, не имеет он никакой исторической ценности. М-да... весь мир до основанья разрушим...

А справа от Троицкого собора острым шпилем стремилась в небо Троицкая, или Часовая башня. Где-то там слева, за этим огромным казённым зданием должен стоять старый мост через Великую. Чёрт, это он для меня того, прежнего, старый, а для нынешнего только что построенный. Я его на фотографиях как-то рассматривал. Красивое и величественное сооружение. Было.

Прошёлся по Пушкинской и Архангельской, посидел на скамейке в Кутузовском городском саду, с интересом поглядывая по сторонам. От осмотренных сегодня достопримечательностей, от обилия впечатлений немного кружилась голова. Или она кружилась от плывущего по саду тонкого аромата цветущего жасмина? Посидел, вспоминая увиденные роскошные для этого времени магазины с красивыми пышными маркизами над окнами и входом, многочисленные магазинчики и лавочки, с удовольствием припомнил, как ломал язык, читая замысловатые надписи на вывесках. К этой планировке улиц ещё привыкать нужно, всё не так, по-другому.

Нет, нужно возвращаться. Наплёл я петель по городу, пора на квартиру. Ходьба по булыжной мостовой с непривычки то ещё удовольствие. Требует определённых усилий, да и кожаная подошва сапог проскальзывает на отполированном до блеска камне. Ноги гудят. И как это горожане по таким улицам каждый день гуляют? Может, великая сила привычки? Натренировались? Ну, да, асфальта-то они не видели...

Устал как бобик. Можно было бы, конечно, и на трамвае к собору от собрания доехать, извозчика выловить, но очень уж велико было желание своими ногами по городу пройтись да спокойно и неторопливо по сторонам поглазеть. И даже сейчас ещё хочется пройти немного дальше, задержаться ненадолго на этих утерянных для будущего улицах и переулках, но уже гудят ступни, накатывает накопленная за длинный, нескончаемый день усталость, и пора возвращаться домой. Ещё успею нагуляться. Два месяца впереди, да и потом наверняка будет время. И на реку обязательно схожу, видами и мостом полюбуюсь. Хм, странно, у меня в этом времени уже появился хоть какой-то дом...

Как нельзя кстати подвернулся попутный трамвайчик в обратную сторону, и я не удержался от соблазна прокатиться на этом чуде – заскочил на подножку, поднялся по двум ступенечкам внутрь и только сейчас сообразил, что мелочи-то у меня нет. Ассигнации лежат в нагрудном кармане, но крупные, будет ли с них сдача?

Хорошо ещё, что деньги я сразу взял, как только форму надел. Куда без денег? Даже если только на аэродром собирался. Мало ли какая оказия может выйти?

И вдвойне хорошо, что мой предшественник не прогуливал своё денежное содержание до последней копейки. Нет, гулял, само собой, как же без этого святого дела, но меру соблюдал, некоторую часть бумажных ассигнаций обязательно откладывал в свой чемодан. Почему-то банкам и банке не доверял. Ну и молодец. Я им тоже не доверяю, особенно имея чёткие знания о нескольких грядущих десятилетиях. Лучше всё в золото переведу. Хотя-я, было бы что переводить – сбережения, как я посмотрел, скромные.

С досадой увидел, как медленно проплывает мимо мой дом за окном. Вздохнул тяжело и... И расслабился. Зато прокачусь. Вышел через остановку на Кахановском бульваре, вздохнул своему глупому ребячеству и пошёл назад...

И снова пуховая подушка мягко приняла меня в свои объятия. Спал словно младенец, без забот и волнений. И ни один сон не посетил ночью мою измученную предыдущим беспокойным днём голову. Зато проснулся бодрым и свежим рано утром под раздавшийся за окнами первый перестук трамвайных колёс, под его звонок, заменивший мне будильник. Шесть утра.

Рановато, как мне кажется. Впрочем, выспался, за ночь организм полностью восстановился, можно начинать новый день.

Зарядка, гигиена и завтрак. Впрочем, памятуя о таком же предстоящем завтраке в столовой собрания, ограничил себя малюсеньким бутербродиком. На недоумённый взгляд хозяйки поспешил разъяснить свою сдержанность. На что услышал довольно-таки примечательный ответ:

– Раньше вы, Сергей Викторович, никогда от плотного завтрака не отказывались. Уж не захворали ли часом?

– Оставь молодого человека в покое, Елена Сергеевна. Он уже вполне взрослый и сам волен решать, что и сколько может себе позволить.

И только тогда я обратил более пристальное внимание на своих хозяев. Они же в два раза меня старше и вполне могут себе относиться ко мне как бы по-отечески. Или по-матерински, если смотреть на это со стороны хозяйки. Эх, хорошо, когда обо мне так заботятся.

А вот зашедший за мной Андрей чиниться не стал. С удовольствием откликнулся на приглашение хлебосольных хозяев и, отбросив стеснение, присел за стол. И быстро стрескал всё, что ему предложила хозяйка. Да ещё и запил всё съеденное парой чашек горячего чая. А завтрак?

– Да ты не переживай так, Серж, я и в собрании поем. Ты же знаешь, я и слона могу съесть, – уже на выходе ответил на мой удивлённый вопрос Андрей. А то я беспокоиться начал, куда в него столько влезает.

– Не знаю. Забыл я, не помню, – решил немного приоткрыть завесу над своими нелепыми и необъяснимыми иной раз промахами, вызывающими неприкрытое удивление моих друзей и знакомых.

– Как это забыл? – мой товарищ даже приостановился.

– А вот так. Тут помню, а тут не помню. Но постепенно всё вспоминается, – поспешил успокоить взволновавшегося друга. И тут же предупредил его: – Смотри, доктору не проболтайся.

– А я-то думаю, что с тобой иной раз происходит? Как будто и не ты это совсем, известных вещей не знаешь и наших с тобой проделок не помнишь. Да ещё и вид у тебя при этом такой потешный делается. Будто пыжишься изо всех сил, словно пытаешься вспомнить и ничего не получается.

– Теперь понятно, как это со стороны выглядит. То-то, смотрю, народ иной раз на меня с удивлением косится. И командир давеча в курилке точно такими же словами своё удивление высказал.

– Так я тебе о чём и толкую. Ладно, теперь хоть понятно, почему ты такой стал. Говоришь, проходит со временем? Вспоминается?

– Да, только напыжиться нужно, как ты метко сказал. И Андрей, про доктора я не просто так сказал...

При входе в столовую собрания внимательно наблюдал за впереди идущими сослуживцами. Поэтому не оплошал и на пороге перекрестился на ту самую большую икону на стене. А потом и своё место за столом занял. Окна выходят на юг, солнышко самым краем заглядывает в помещение. Белые скатерти, салфетки и посуда, сверкающие приборы, снующие деловито с блюдами солдаты. Завтрак. Скорее бы он закончился, душно как-то.

На аэродроме прямо возле ангара со своим «Фарманом» нос к носу столкнулся с инженером. Мне показалось или нет, но вроде бы Герман Витольдович чуть помягчел со времени нашей прошлой встречи. В этот раз даже буркнул что-то приветливое первым – поздоровался, похоже. Не стал его разочаровывать, ответил. А потом начался подлинный допрос, что это я за чудачества затеял с мешками?

Ответил, как есть, ничего скрывать и придумывать не стал. Зато инженер ушёл явно удивлённый и озадаченный моими нововведениями и задумками. Хорошо хоть противиться ничему не стал.

А там и командир подошёл. Первый полёт сделали вдвоём. Просто взлетел, сделал два разворота по кругу и зашёл на посадку. Сел, подкатился к ангару, там меня уже привычно поймали механики. Сегодня это у них вообще просто получилось. Потому что я наконец-то узнал, куда запропастился ещё один член моей наземной команды. Оказывается, я его сам отпустил на побывку к семье. Он местный, живёт недалеко от города, вот и отпросился на несколько дней. А я его отпустил. И не помню. Не осталось в памяти никаких зацепок. И, вообще, что-то странное начинает с ней происходить. То, что успел сразу выхватить, то крепко усвоил, а то, что показалось мне второстепенным, начинает забываться. Или не вспоминается, вот как в этом конкретном случае. Очередной сюрприз мне свыше, только не очень хороший.

С командиром на переднем сиденье аэроплан вёл себя совсем по-другому. Летел, словно колун, устойчиво, хрен с прямой свернёшь. Единственное неудобство – приходилось всё время поддерживать его в горизонтальном полёте, аппарат так и норовил приопустить нос. Особенно это стало заметно, когда в кабину добавили мешок с песком. Командир так и не стал покидать сиденье наблюдателя, остался в самолёте. Взлетели. Длина разбега увеличилась раза в два. Мощности двигателя не хватало. Оторвались от земли почти у конечных буйков. Неприятно, но не смертельно, за буйками впереди ровного относительно выкошенного поля еще добрая сотня метров. Взлетим, если колёса на кочках не отвалятся. Или остановимся, в крайнем случае.

Привычную мне высоту набирали долго. Пришлось сделать несколько кругов над взлётно-посадочной полосой, над ангарами, буквально выгрызая у неба каждый метр. Уже на пятистах метрах аппарат ощутимо проседал, мотор работал на пределе своих чахлах силёнок, я даже обороты практически не прибирал. Лучше пусть он сейчас сдохнет, чем чуть позже, но в боевых условиях. Не сдох, а жаль. Слабоват он.

Да, прав был командир. Двести фунтов и всё, дальше уже начинается лотерея, неоправданный риск. Если переводить в килограммы, то свободно можно брать на борт килограммов тридцать-сорок бомб. Это при наличии на борту лётчика-наблюдателя. А без него никак, не мне же самому эти бомбы за борт сбрасывать? Впрочем, можно и мне, если придумать какую-нибудь приспособу для принудительного сброса. А сами бомбы подвешивать за гондолу на внешние держатели-кронштейны. Где-то что-то я подобное встречал, читал. Подумать нужно да с механиками посоветоваться. Может, что вместе и придумаем.

Тем временем за всеми этими размышлениями зашёл на посадку с быстрой потерей высоты и подошёл к торцу. Садиться нужно осторожно с таким весом. Выдержали бы стойки колёс...

В этот раз командир покинул кабину и потянул меня за собой чуть в сторону.

– Ну что скажете, Сергей Викторович? К каким выводам пришли?

– Мотор слабоват, сам аэроплан к большим нагрузкам не пригоден. Управляется тяжело, приходится постоянно контролировать высоту. Если на него ставить пулемёт, то и для бомб места не останется.

– Что же, рад, что вы правильно оцениваете возможности своего самолёта. Что предлагаете?

– Роман Григорьевич, да что я предложить-то могу? Аэроплан заменить на более скоростной и грузоподъёмный! И всё! Так вы сами сказали, что новых аппаратов не предвидится!

– Не предвидится, поручик, в ближайшее время не предвидится, – задумался на минуту. Глянул внимательно и продолжил: – Вас тоже гложут сомнения? Что-то такое тревожное витает в воздухе?

– Витаает, Роман Григорьевич, тревожные предчувствия одолевают. Потому и думаю о пулемётах и бомбах.

– Да, слух вчера в полковых штабах прошёл, что собираются у нас в губернии формировать новые пехотные полки – Гдовский и Новоржевский. Ох, грядёт что-то...

Промолчал. А что я могу на это сказать, коли ничего конкретного не знаю? Лишь покивал с умным видом. Лучше послушаю, что опытный офицер скажет. И, кстати, было бы хорошо остороженько так выяснить, какого лешего он ко мне такой заботой и любовью воспылал? Советуется вот, разговоры разные заводит. А я не один такой. У нас среди лётчиков роты даже целый штабс-капитан есть. А уж поручиков вместе со мной целых три офицера.

– И нас из Петербурга сюда на лето отправили. К чему? Да ещё первоначальное место для расположения лётного поля выбрали вообще за рекой. Как туда имущество перевозить? Автомобилями? Да мы всё лето только этим и занимались бы. Пришлось на себя ответственность принимать и подбирать совсем другое место. Нынешнее, откуда и до железной дороги близко и до казарм с канцелярией рукой подать. Одно только плохо, город рядом, жители хоть и не проявляют пока своего недовольства громким шумом работающих моторов, но бургомистр уже высказывал свои претензии. Ничего, до осени потерпят. А там в столицу вернёмся... – Помолчал, глубоко затягиваясь папиросой. Попыхтел, коротко глянул на меня и продолжил: – Не удивляйтесь этому разговору. Присматриваюсь к вам после аварии. Очень меня заинтересовали произошедшие с вами изменения. К счастью для вас – в положительную сторону...

На этом разговор увял и быстро свернулся. И командир оставил меня в одиночестве и раздумьях. А мы все, что уж правду скрывать, вздохнули с облегчением. Я от несколько напряжённого для меня разговора, истинной подоплёки которого так и не понял. Мои подчинённые... Просто по старой мудрой армейской поговорке предпочитали держаться подальше от начальства и поближе к кухне. Кстати о кухне.

Я не ошибся в этом своём утверждении. Как раз сейчас за распахнутой не до конца тяжёлой серой шторой входных ворот нашего брезентового ангара прибывший, как оказалось, из вполне законного увольнения унтер нарезал белое с красными прожилками сало. Чесночный дух в один миг заполнил довольно-таки просторный ангар, в котором потрескивал остывающий «Гном», поскрипывали, расслабляясь, натрудившиеся сегодня стальные тросы аэроплана.

– Унтер, это вы что тут удумали?

– Так, ваше благородие, я же дома был. Ну и как мне домашней стряпнёй своих товарищей не угостить?

– Сало это, конечно, хорошо. А вот что такое у тебя под ящиками припрятано? Ну-ка давай-давай – доставай!

И я внимательно наблюдаю, как смутившийся унтер тянет за замотанное тряпицей горлышко полную литровую бутылку.

– И что это?

– Как что, ваше благородие? Самогон это. Наш, деревенский, орловский.

– Так ты что? Не местный? Откуда родом? – и смотрю вопросительно.

– Почему не местный? Местный. Деревня Орлинская. Станция Орлы.

Что-то не помню я такой. Слабо район полётов изучили, господин поручик. Или снова последние воспоминания из памяти исчезли? Какое у меня удобное оправдание собственных ляпов появилось.

– Ладно, – возвращаю бутылку. – По стопке, не больше. И если кого на вечернем построении с запахом учую, то будете на аэродроме до следующего пришествия сидеть безвылазно.

И почему-то уверен, что никто лишнего себе не позволит, не те у окружающих меня людей глаза.

А вот ароматно пахнувший кусочек ухватил с этого импровизированного стола из казённых деревянных ящиков. Не удержался. Удивился только. Это же патронные, откуда их

столько? Оказывается, нет. Имущество лабораторий и мастерских в них перевозили. Теперь, чтобы не занимали и не захламляли помещения, их на аэродром отвезли до осени, ну а тут уж распределили поровну в каждый ангар под роспись и личную ответственность старших унтеров. Ну да, до осени, это они просто пока не знают, что останемся мы в этом городе до самой следующей весны, а возможно и дальше, и никому эти ящики больше не понадобятся, потому что все мастерские так и останутся в городе, в отличие от лётчиков авиа роты.

Собрание решил проигнорировать, завтра полётов не планируется, а сегодня я лучше по городу погуляю. Только памятуя вчерашние натруженные ноги, доехал до центра на трамвае. И вообще, надо бы себе прикупить цивильную одежду, запарило меня по этой жаре в форме ходить. Днём-то ладно, вроде как на аэродроме нахожусь, не до жары, а вечером накаывают душные волны, заставляя струйки липкого пота стекать по спине между лопаток. Это ещё хорошо, что я сапоги скинул и обул форменные полуботинки. Сегодня же и закажу себе летнюю одёжку в каком-нибудь швейном ателье. В трамвае постарался остановиться прямо напротив открытого до упора вниз оконного стекла. Так хоть какой-то ветерок обдувал. Спрыгнул с подножки, немного не доехав до остановки, вызвав тем самым осуждающее покачивание головой кондуктора. Да и ладно, мне же тоже хочется полихачить. А то насторожили меня слова командира о моей серьёзности. Рано мне ещё в старики записываться.

С удовольствием погулял по территории Крома. Поразили до глубины души осыпавшиеся крепостные стены, практически разрушенные башни в устье Псковы-реки.

Вышел на пароходную пристань чуть ниже Ольгинского моста, полюбовался речными пароходами с гребными колёсами по бортам. А народу-то здесь! Не протолкнуться. А-а, вот в чём дело. Баркасы какие-то разгружаются. Вереницы грузчиков по деревянным сходням выносят из трюмов явно тяжёлые мешки.

Дальше всё забито подводами. Чуть было не попал под ноги одному из поспешающих грузчиков. Тот глянул на меня красными от напряжения глазами, подкинул на спине мешок и прохрипел:

– Шёл бы ты отсюда, вашбродь. Не путался бы под ногами.

Связываться и качать права не стал, так и пошёл, куда направили, явно заработав удивлённый взгляд в спину.

Зато Ольгинский мост порастил воображение. Ажурные дуги металлических конструкций опираются на четыре мощных каменных быка. Центральная арка самая высокая и украшена с двух сторон стрельчатыми острыми шпилями или башенками. И красивый мемориальный памятный знак справа от входа на мост с латунным двуглавым орлом наверху. Видно, что мост недавно построили, потому что насыпь с двух сторон только-только начала обрастать травой. Поднялся по каменной лестнице наверх, прошёл ближе к середине моста, постоял у литой чугунной ограды, развернулся и пошёл назад, с трудом оторвавшись от созерцания мощных водоворотов далеко внизу под ногами. Сейчас ещё схожу гляну на красоту Троицкого моста, и на этом всё. Мне ещё к портному успеть нужно – цивильное заказывать.

На сам мост я не пошёл, потому что долетевший снизу, с рыбных торговых рядов у самой реки запах заставил поморщиться и повернуть назад. Нет, здесь лучше или на трамвае проехать, или подождать, пока ветер переменится. Потому что всё-таки очень интересно будет по старому Запсковью погулять.

Здесь очень активное движение гужевого транспорта. Лошадки бодро тянут телеги с высокими бортами в сторону заречья, возчики при этом громко покрикивают, разгоняют в стороны жмущихся к краям горожан. Отсюда заметно, что и контингент там в видимом отдалении проживает более простой, менее состоятельный, потому что и домики в основном одно- и двухэтажные, и улицы поуже. Единственным высоким сооружением выглядит отсюда башня канатной фабрики и возвышающаяся над крышами своими куполами церковь.

Всё, довольно на сегодня, сейчас к портному и домой. Готовый костюм в магазине купить, конечно, проще, но всё-таки лучше пойти к портному. Какую-то такую вывеску я видел на Сергиевской улице, неподалёку как раз от своего дома. И «Химчистка» там рядом. И магазин «Меха», что для моей службы скоро очень актуально будет. Нужно и о предстоящих зимних морозах подумать. В небе-то оно в хромовых сапогах несподручно зимой. А разузнаю-ка я – сколько надо за меховые унты выложить? Заодно и посмотрю, что они мне смогут предложить. Вроде как унты сейчас бурками называют?

Вышел я из лавки господина Либмана практически с пустыми карманами. Всё потратил, на проезд только оставил. Ничего, чуть позже подумаю, где можно деньгами дополнительно разжиться.

Зато заказал себе и меховые зимние сапоги, и такую же куртку. С портным договорился о пошиве нескольких рубашек и штанов по моим наброскам. Причём никакого удивления мои причуды не вызвали. Мастеру всё равно, что шить, было бы уплачено. Плюнул и заказал себе трусы с футболками, раз уж никто ничему не удивляется. И ещё пару простеньких белых хлопчатобумажных подшлемников. А то голова под пробковым шлемом в полёте сильно потеет. Вентиляции нет от слова совсем.

Заглянул в оружейный магазин, постоял на входе, привыкая к полусумраку, отказался от услуг подскочившего приказчика, осмотрелся, шагнул к выставленным образцам. И чего это меня сюда занесло? Я же вроде не фанатик огнестрела? Хотя с какой стороны за него братья знаю и на стрельбище вроде как в мишень иной раз попадал. Старая память сюда привела? Вряд ли, учитывая, что в чемодане я лишь казённый армейский револьвер Нагана нашёл.

А ведь помнится, что нам разрешено себе личное оружие прикупать... Купить? Не сейчас, позже, или всё-таки не стоит? Скоро маузер выдадут... Нет, мне понадобится что-то более компактное и неприметное. Такое, что можно всегда под рубашкой носить, и его со стороны лишь опытный натренированный взгляд углядеть сможет. Зачем? Не знаю пока, но вот чувствую, что нужно.

Сразу поймал себя на странной мысли. Сколько было раньше книг прочитано на подобные темы, и везде героям нужно сразу включаться в какой-то круговорот особо срочных дел и забот. Грабить банки, набивать мошну, раздавать платные и бесплатные советы власть держащим, отодвигать в сторону Распутина с его предсказаниями будущего катаклизма. Ну и так далее в том же духе. А мне вот совершенно ничего не хочется делать. И желания нет, и никакой уверенности в том, что я смогу даже на приём к какому-нибудь военному министру попасть, не говоря уже о царствующих особах. Бред же полный. Реальность она совсем другая. Но читать и представлять себя на месте всё могущего героя не спорю – было приятно...

Так что я спокойно поброжу по городу, наслаждаясь последними мирными месяцами, а там будет видно, куда и к чему стремиться. Вот только в одном я согласен с книгами. Материальное положение следует поправить. Какими путями? Пока не знаю. Но и ходить с пустыми карманами не хочется. Особенно точно зная, чем закончится для России Первая мировая...

От размышлений отвлёк ткнувшийся в живот пацан. Ойкнул, отшатнулся и собрался было задать стрелача, но был крепко прихвачен мною за ворот. Отпустить? Да отпустил бы, но пока держусь за него в наклоне, у меня хоть боль немного пройдёт. Он же не смотрел и не разбирался, засранец, куда своим острым плечом мне ударить. М-м, как метко угодил, словно заранее прицеливался. А я в форме. Представляете конфуз? Офицер – и стоит, скрючившись, прямо посередине многолюдной центральной улицы со скривившейся от боли физиономией. Да ещё и наверняка багово-красной.

– Валентин, сейчас же извинись перед господином офицером! – Громкий голос справа заставил через силу выпрямиться, медленно выдохнуть через крепко стиснутые зубы и оглянуться.

Полевая офицерская форма Омского полка. Музыкант?! Интересно, они же все в летних лагерях должны быть?

– Прошу прощения, – вывернулся из-под моей руки пацанёнок.

Пришлось отпустить, не устраивать же скандал посреди улицы... Да и моя вина в этом печальном для моего организма инциденте точно есть. Замечтался, по сторонам не смотрю. Тоже мне лётчик!

А малец на месте остался, не сбежал, уже молодец. Папаша подошёл, кто же это ещё может быть, представился, участливо так. Догадался, похоже, о причинённом моему организму физическом ущербе.

– Капельмейстер девяносто шестого пехотного Омского полка Абель Абрамович Зильбер...

Глава 5

Уф-ф, боль внизу живота потихоньку отпускала, и перед глазами начало проясняться. Уже осмысленно и смущённо огляделся, как мне показалось, довольно-таки незаметно, и внутренне сморщился от всё понимающего взгляда моего нового знакомого.

Пришлось отвлечься от стоящего напротив музыканта и ответить на приветствие проходящего мимо кадета.

Заодно и взять коротенькую паузу на определение стиля своего поведения. Что делать? В такое неудобное положение, да ещё и в общественном месте, я пока здесь не попадал. А-а, буду вести себя, как обычно.

– Кадет на палочку надет, – высунулся из-за моей спины мальчишка и тут же заполучил от отца подзатыльник и грозный окрик.

А я лишь головой повёл из стороны в сторону, словно штабс-капитан из «Неуловимых мстителей». В один миг ворот стал тесным и начал душить. От стыда, похоже. И прогуливающиеся по улице люди смотрят почему-то на меня, а не на папашу с сыном. И тоже захотелось хо-орошего леща отвесить сорванцу! Пора бы ему начать разбираться, где и в какой компании так можно себя вести. Что это я? Именно так себя вести нельзя нигде и ни в какой компании!

– Марш домой! Там и поговорим! – капельмейстер волевым движением руки отправил отпрыска в сторону дома, проследил за понурившимся ребятёнком и, развернувшись ко мне, вдруг весело улыбнулся. – Совсем от рук отбился. Мы в лагерях, а у матери для присмотра за всеми детьми глаз не хватает.

– Да всё я понимаю. Сам таким же рос.

– Всё равно неудобно вышло. Поручик, не погнушаетесь принять приглашение на вечернюю чашку чая?

Что это вдруг на меня приглашения посыпались? Тоже дочка есть?

Уже совсем было собрался резко отказать, но вовремя опомнился. «Остановись, болезный, никому твоя персона не нужна, просто человек хочет таким образом извиниться за причинённый сыном конфуз».

– Абель...

– Абрамович, – подсказал мне своё отчество собеседник.

– Да, прошу извинить за забывчивость. Обстоятельства, сами понимаете. Так вот, Абель Абрамович. Право, это такой пустяк, что не стоит и переживать. Все мы когда-то были значительно моложе и совершали точно такие же проступки. Молодость, она быстро проходит. И ваш сын скоро повзрослеет, и вы с любовью и сожалением о минувших днях будете вспоминать этот и подобные ему моменты.

– Однако удивили, поручик. Кстати, вы так и не представились...

А вот это уже мой прокол. Непростительный для этого времени. Но можно его списать на ошеломление от внезапной травмы дорогого мне органа. Надеюсь, папаша меня поймёт.

– Простите, не до приличий мне... Гм, было... Поручик седьмой авиароты Сергей Викторович Грачёв.

– Ух ты! Это вы за вокзалом моторами рычите? И летаете? – вывернулся из-за его спины лихим чертёнком мальчишка. И заторопился, захлёбываясь словами: – А можно мне к вам туда прийти? А то у нас в классе из всех мальчишек только Семёнов уже побывал на лётном поле, так теперь ходит важный и нос задирает. А я ничего, я тихонько.

– Ты как здесь... – похоже, сам папаша удивился не меньше моего. – Кому было сказано немедленно отправляться домой?! Валентин, и моему ангельскому терпению когда-то наступает предел. Так вот, сейчас он наступил. Марш к матери и расскажи ей о своём недостойном

поведении. Чему вас только в гимназии учат? И жди моего возвращения. У нас с тобой намечается серьёзный разговор. На лётное поле ему захотелось. Где только таких слов нахватался...

И не сводил глаз со спины удаляющегося в горку понурившего голову пацана до тех пор, пока тот не скрылся из виду за деревьями и кустами.

А я не знал, как мне поступить. И уйти неудобно, не попрощавшись, и терять попусту время на это бестолковое стояние как-то не хочется. И в тот момент, когда совсем было собрался плюнуть на приличия и развернуться, музыкант наконец-то соизволил обернуться.

– Как быстро время летит. Совсем ведь недавно на руках его носил. Впрочем, вам по молодости этого пока не понять. Ведь вы не женаты, Сергей Викторович?

О, господи, неужели я угадал и сейчас меня начнут сватать? Нет, точно пора раскланиваться.

– Нет, не женат. Впрочем, это касается только меня одного, не находите? Прощайте, – сухо проговорил, попрощался наклоном головы и развернулся, выбрасывая из головы эту встречу.

– Прощайте, господин поручик. И не обижайтесь на нас. Будет настроение, заходите в гости. Можно без предварительного уведомления, по-простому. Доходный дом генерала Макарова. Право слово, заходите, – и, не удержавшись, хитро улыбнулся. – Не собираюсь я вас сватать, да и не за кого уже. Обе дочери замужем.

– Обещать не буду. Будет свободное время, обязательно загляну.

На том и распрощались окончательно. И что это музыкант так ко мне прицепился? Обыкновенная вежливость и не более того? Не знаю, но как-то очень необычна такая настойчивость, да ещё и между незнакомыми людьми. А мальчишка молодец! Как лихо мне в живот врезался. И не растерялся ведь, не застыл столбиком, удрать намеревался, но тут уже я не оплошал. Теперь вот думаю – может, и лучше было бы, если бы удрал? Ну на кой мне это знакомство? Хотя-я... лишние знакомые в городе никогда не помешают. Мало ли как дальше жизнь сложится? Будет настроение, загляну. А если он снова в лагеря отбудет? А тут я со своим появлением... Нет, ну его, может быть, когда-нибудь потом, позже...

И я с лёгким сердцем отправился к своему дому.

Полёт с Андреем никакого удовольствия не доставил. После полётов на проверку грузоподъёмности моего аппарата и последующего затянувшегося разговора я всё пропустил. И Андрей отлетал без меня, так и не дождавшись моего появления в передней кабине своего «Депердусена». Пришлось извиняться и договариваться на следующий раз.

Вот этот следующий раз меня полностью и разочаровал. Вроде бы как и скоростная, на первый взгляд, машина, а не летит, как положено. И залипает, что ли – тормозит как-то в небе. Ну, не могу я передать словами свои ощущения, просто своей пятой точкой знаю, что не должен он так топорно летать. На «Фармане» взлетаешь и это как-то более похоже на полёт – аэроплан плотно сидит в воздухе, хоть я и брюзжу на его многочисленные для меня недостатки, а тут при малейшем падении скорости словно на древесном листе порхаешь. Такое ощущение, что ещё чуть-чуть и на хвост завалишься. А что будет, если мотор откажет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.